

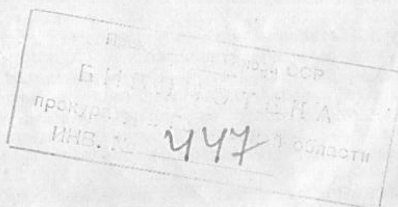
ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

1

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1950

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. П. СКОРИНЫ

Дирекция Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР просит прокурорских и следственных работников присылать свои замечания по материалам, помещенным в «Следственной практике».

Адрес института: Москва, 151, Можайское шоссе, 37/45.

ОВЛАДЕТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМИ ПРИЕМАМИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Высокое качество следствия определяется прежде всего своевременным обнаружением, тщательным собиранием и исследованием доказательств, их глубокой проверкой и закреплением, необходимыми для выявления сущности совершенного преступления и установления лиц, его совершивших.

Для успешного раскрытия преступлений и изобличения преступников недостаточно выполнения лишь требований уголовно-процессуального закона, необходимо также, чтобы каждый следователь овладел искусством расследования.

Говоря о необходимости выловить врагов советской власти, В. И. Ленин указывал: «А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным...» (В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 434).

В докладе на I Всесоюзном совещании работников суда и прокуратуры т. А. Я. Вышинский, подчеркнув необходимость овладения наукой и техникой следственной работы, сказал: «Нужно свою работу опереть на научную основу. Если эта работа не будет опираться на основы марксистско-ленинской методологии, диалектической методологии, то дело не пойдет. Это нужно усвоить и понять».

Если товарищ Сталин на XVII съезде партии в специальном разделе о партии требовал повысить наш идеологический и теоретический уровень, то это требование относится и к нам. Применительно к нашим задачам это означает не только поднять общеидеологический уровень своего развития—это означает и овладение методологией

и техникой нашего дела» (А. Я. Вышинский, Доклад, журнал «За социалистическую законность», № 5, 1934 г.).

В неоднократных приказах и директивах Генеральный Прокурор СССР требовал от всех следственно-прокурорских работников повышения своей квалификации, а на основе этого — повышения качества следствия.

В выступлении на конференции лучших следователей Прокуратуры СССР Генеральный Прокурор т. Г. Н. Сафонов говорил: «...мы со своей стороны должны принять все меры к тому, чтобы поднять уровень следственной работы до тех больших государственных задач, которые стоят перед советским народом. Для этого нужно значительно повысить качество нашей следственной работы, которая, надо прямо сказать, сейчас еще выглядит весьма неудовлетворительно».

Овладение искусством расследования зависит от того, насколько следователи сумеют всесторонне овладеть наукой о раскрытии и расследовании преступлений, являющейся отраслью науки советского права и зиждящейся, как и все другие науки, на единственно научном фундаменте диалектического материализма.

Одно из основных условий перевода предварительного следствия на научные рельсы — это внедрение в следственную практику научных методов расследования.

Применение научных методов расследования означает, в частности, широкое применение в следственной практике судебно-оперативной фотографии и иных научно-технических средств в целях выявления, собирания и закрепления доказательств.

Поэтому следователь, производя следствие, должен быть вооружен необходимыми техническими средствами, которые способствовали бы его работе по обнаружению, сохранению, закреплению и изъятию доказательств.

Значение вещественных доказательств по каждому делу велико. Вещественными доказательствами, как известно, являются орудия и объекты преступления, предметы, сохранившие на себе следы преступления, а также иные предметы, могущие явиться средством для раскрытия преступления.

Вещественными доказательствами могут быть документы, явившиеся средством совершения или сокрытия преступления, а также следы пальцев рук, ног, ногтей,

транспорта, орудий взлома и т. п., обнаруженные на месте происшествия, на преступнике, на трупе, на отдельных предметах и т. д.

Следы и иные вещественные доказательства нередко способствуют установлению не только характера совершенного преступления, но, помогая воспроизведению всей картины происшедшего, могут явиться незаменимыми обстоятельствами для установления личности преступника и его изобличения.

Все это обязывает следователя хорошо знать, где и какие следы надо искать, как их выявить, как сохранить, как закрепить и изъять.

До последнего времени большинство следователей не было обеспечено специальными приборами, инструментами и материалами для успешной работы по обнаружению невидимых и маловидимых следов, по закреплению и изъятию их. Недостатком было и отсутствие фотоаппарата — необходимой принадлежности как для закреплению доказательств, так и для производства фотосъемки места происшествия. Поэтому работа следователя по обнаружению и закреплению следов и иных вещественных доказательств нередко проводилась примитивно.

По инициативе Генерального Прокурора СССР т. Г. Н. Сафонова все следователи Советского Союза снабжаются специальным набором самых необходимых для их работы технических средств, сосредоточенных в «следственном чемодане» и приложениях к нему.

Несомненно, это обеспечит широкое применение научно-технических средств в следственной практике, будет способствовать улучшению качества следствия и усилению борьбы с преступностью. Однако надо констатировать, что, независимо от этого, многие наши следователи уже теперь показывают образцы отличной работы, умело обнаруживая и закрепляя следы и иные вещественные доказательства, добываясь в результате этого раскрытия преступлений и высокого качества предварительного следствия по самым разнообразным делам.

В связи с большим значением этого вопроса первый выпуск методического пособия «Следственная практика» посвящается показу некоторых положительных примеров работы следователей со следами и иными вещественными

ми доказательствами. Следует, однако, оговориться, что не все приводимые дела и не все следственные действия по ним осуществлены на одинаково высоком уровне, что в значительной мере объясняется отсутствием надлежащего технического оснащения у отдельных следователей или недостаточностью навыка в работе с этим оснащением.

Особенно эти недочеты бросаются в глаза при ознакомлении с делом, о котором рассказывает в статье «Следы велосипеда помогли раскрыть преступление» народный следователь Обливского района Ростовской области т. Горин, который, не располагая достаточным техническим оснащением, вынужден был прибегнуть, например, к замене оперативной фотографии зарисовкой следов от руки.

Ряд погрешностей допустил при составлении плана и схемы места происшествия народный следователь Верхошижемского района Кировской области т. Иовенко (статья «Уличающие рисунки из альбома»).

Однако эти отдельные недочеты не исключают положительной оценки работы, проделанной следователями по отмеченным делам.

Задачей «Следственной практики» является широкая организация обмена опытом, что, несомненно, поможет повышению качества следствия и усилению борьбы с преступностью.

В настоящем первом выпуске «Следственной практики» освещаются дела самых различных категорий, но всех их роднит одно — кропотливая и творческая работа следователей по обнаружению и закреплению следов и иных вещественных доказательств, явившихся решающими уликами для раскрытия преступлений и изобличения преступников.

Значение следов и иных вещественных доказательств для расследования уголовных дел общепризнано. Однако известная сложность их отыскания, закрепления, сохранения и сравнительного исследования приводит к тому, что далеко не всегда следователь использует эти виды доказательств с должным эффектом. Порой следователь не умеет достаточно искусно произвести осмотр или обыск, а значит и обнаружить следы, не качественно закрепляет их из-за неумения использовать технические

средства, не умеет связать обнаруженные следы и иные улики в одну прочную и неразрывную цепь доказательств. И, наоборот, следователь, полностью овладевший искусством обнаружения и закрепления следов и вещественных доказательств, умеющий логически правильно связать их между собой, всегда обеспечивает высокое качество следствия, простоту, ясность и убедительность обвинительного материала.

Совершенно понятно, что для отыскания следов и других вещественных доказательств особое значение имеют такие следственные действия, как осмотр и обыск.

Являясь по многим уголовным делам первичным следственным действием, правильно организованный и тщательно проведенный осмотр почти всегда позволяет следователю обнаружить ряд исключительно важных следов, по которым нередко с исчерпывающей полнотой можно судить о совершенном преступлении и личности преступника.

Именно четко организованный и тщательно проведенный первичный осмотр места происшествия помог т. Горину с самого начала правильно оценить версию о мотивах и обстоятельствах убийства комсомольца Водолазова, а затем изобличить преступников, вскрыв крупное хищение социалистической собственности.

Особо следует подчеркнуть, что т. Горин тактически правильно определил границы подлежащей осмотру территории и исследовал местность не только вблизи трупов, но и на значительном расстоянии от него. Это решение дало возможность следователю обнаружить следы велосипеда, вязаные перчатки и такие, казалось, незначительные, мелкие вещественные доказательства, как зерна пшеницы, сыгравшие впоследствии серьезную роль в раскрытии преступления. Заслуживает также внимания и то обстоятельство, что в целях более полного использования обнаруженных следов и вещественных доказательств следователь провел серию интересных судебных экспертиз и, в частности, по определению видовой принадлежности крови, по установлению тождества зерен пшеницы, тождества материала и характера вязки перчаток, идентификации пистолета по пуле и гильзе и т. д. К сожалению, безусловно хорошо организованный и проведенный осмотр места происшествия не был подкреплен

необходимыми снимками, сделанными по правилам судебно-оперативной фотографии.

Успех в отыскании следов и вещественных доказательств часто зависит от времени проведения осмотра, обыска или другого следственного действия. Чем раньше, максимально приближенно к событию преступления проводится осмотр или обыск, тем, несомненно, больше гарантии обнаружить ясные и четкие следы, обнаружить ценные вещественные доказательства. Надо не забывать, что в силу естественных причин (дождь, снег, ветер, высыхание) зачастую следы и иные вещественные доказательства безвозвратно пропадают, теряют свои индивидуальные качества, становятся непригодными для сравнения или уничтожаются.

Примером оперативности, в смысле организации работы по отысканию следов, может служить уголовное дело, расследованное старшим следователем прокуратуры Краснодарского края т. Беляком, описанное им в статье «След резиновой подошвы».

Положительный результат был достигнут в значительной мере благодаря оперативности следователя, осуществившего самые необходимые первичные следственные действия менее чем за 48 часов.

Умело сопоставляя обнаруженные и должным образом закреплённые следы, т. Беляк совершенно правильно поставил в центре своего внимания не только исследование всех обстоятельств, прямо связанных с обнаруженным трупом, но подверг анализу все факты, связанные с хищением совхозного брезента, найденного вблизи трупa. Небольшие листики конопли, приставшие к обуви убитого Калмыкова, труп которого был обнаружен в посевах проса, дали основание для суждения о том, что брезент, валявшийся в конопле, является ключом к правильному пониманию мотивов убийства. Тщательный осмотр места, где было совершено хищение, позволил следователю под косым углом освещения обнаружить следы обуви, оставленные на пыли около пролома стены в кладовой совхоза, и зафиксировать их на фотопластинке. Слепок со следа не был сделан лишь потому, что следователь не имел с собою гипса. Эти следы явились решающей уликой для изобличения преступника, совершившего хищение госу-

дарственного имущества, а в целях сокрытия его — и убийство Калмыкова.

Наряду с искусством обнаружения и закрепления следов, не менее важным является умение следователя подкрепить сделанные им по следам выводы заключением соответствующих экспертиз. Бесспорно, что по большинству уголовных дел, где следы являются основными уликами, анализ их и, в частности, анализ тождества всегда нуждается в подкреплении экспертизой. Изложенное, однако, не исключает того, что заключение экспертизы должно быть подвергнуто следователем критическому разбору и проверке, а это в свою очередь требует наличия у следователя хотя бы элементарных знаний в той области науки, искусства или ремесла, к помощи специалистов которых он обращается.

Необходимость оперативного проведения мероприятий, направленных к отысканию и закреплению следов и иных вещественных доказательств, однако, не исключает возможности в ряде случаев проведения этой работы и по истечении значительного периода времени. Практика знает много случаев, когда обнаружение чрезвычайно важных и убедительных следов и иных вещественных доказательств имело место и после того, как прошел значительный срок со дня совершения преступления.

Примером, когда пытливость и настойчивость следователя позволили собрать исчерпывающие следы — улики — по истечении значительного времени, является уголовное дело, расследованное следователем т. Иовенко, освещенное в статье «Уличающие рисунки из альбома».

Крайне затруднявшим расследование моментом в этом деле был тот факт, что родственники Эльвиры Шляевой заявили об ее исчезновении только через 10 месяцев, а в производство т. Иовенко это дело поступило по прошествии 16 месяцев с момента преступления.

Хорошо понимая, что это способствовало уничтожению многих следов, следователь тщательно подготовился к работе. В числе проведенных подготовительных мероприятий следует отметить: составление детальной описи индивидуальных признаков одежды и всех личных вещей, бывших с Эльвирой Шляевой, подробное изучение личности пропавшей, получение и приобщение к делу рели-

гиозного календаря — для уточнения дат тех или иных событий при допросах пожилых людей в деревнях, подробное изучение и составление плана местности (пути возможного следования пропавшей) и т. д.

Пытливость, настойчивость и полно проведенные подготовительные мероприятия дали свои результаты: по прошествии почти 16 месяцев следователю удалось обнаружить у лиц, заподозренных в убийстве Шилиевой, ряд чрезвычайно ценных вещественных доказательств. В квартире родителей знакомой Эльвиры — Зои Едигаревой следователь обнаружил пуговицы от одежды Шилиевой, опознанные ее матерью и совпадающие с образцами, оставшимися дома, листки из альбома с ее рисунками и ряд других вещественных доказательств, под давлением которых Едигаревы сознались в убийстве Эльвиры Шилиевой.

Одним из правил, обеспечивающим успешное использование следов и иных вещественных доказательств, является обязательное во всех без исключения случаях, производство осмотра следов и иных вещественных доказательств лично следователем. Совершенно недопустимым является производство этих осмотров не следователем, а ревизорами, экспертами и другими лицами. Участие этих лиц в осмотре в ряде случаев крайне необходимо, но их работа по осмотру в этом случае может проводиться только под руководством следователя. Пожалуй, чаще всего нарушение этого правила допускается при осмотрах документов, когда следователь поручает эту работу ревизору или эксперту, не учитывая того, что ряд обстоятельств в содержании или оформлении документов может и не вызвать замечаний ревизоров или экспертов. Внимательный же следователь, хорошо знающий все материалы дела, по этим, иногда небольшим данным, может сделать далеко идущие выводы.

В статье «Хищения в Аркадакском райсобесе» народный следователь Аркадакского района Саратовской области т. Медведев рассказывает об одном из таких дел, когда осмотр документов, проведенный лично следователем, позволил вскрыть крупное хищение государственных средств. Внимательный следователь тщательно исследовал тот факт, что в большом количестве личных

дел пенсионеров густо закрашенный краской штамп ставился почему-то не на надлежащем месте документоза, а именно на записи о возрасте пенсионеров. Это обстоятельство, не вызвавшее никаких сомнений у ревизоров, послужило следователю исходным моментом при избрании хищников, широко практиковавших метод хищения путем выписки пенсий по фиктивным документам с завышенным возрастом пенсионеров.

Совершенно естественно, каждый следователь, производя расследование по делам о преступлениях, оставляющих материальные следы, стремится обнаружить, закрепить и использовать в качестве вещественных доказательств наиболее ясные следы, которые можно добыть с наименьшей затратой усилий.

Однако на целом ряде практических примеров нетрудно доказать, что при достаточном овладении научной техникой обнаружения, фиксации и сохранения следов нередко можно и по крайне незначительным на первый взгляд и будто бы трудно поддающимся обработке следам добыть такие данные, которые этот маленький и казалось, незначительный след превращают в неоспоримую улику против лиц, совершивших преступление.

В статье «Раскрытие убийства по следам зубов» прокурор следственного отдела прокуратуры Крымской области т. Эрлих рассказывает об одном таком деле, когда сравнительное исследование следов укуса на пальце человека, заподозренного в убийстве, с отпечатками зубов убитого позволило изблечь преступника.

В статье старшего следователя прокуратуры Харьковской области т. Бойко «Изобличение поддельвателей документов» рассказывается об исключительно тщательной и кропотливой работе следователя с большим количеством документов, позволившей ему в сочетании с удачно проведенными обысками изблечь группу хищников в системе органов социального обеспечения.

О том, что умелое сочетание оперативно-розыскной работы с разумным и квалифицированным применением технических средств дает всегда положительные результаты, свидетельствует и работа прокурора Бронницкого района Московской области т. Иванюченко при расследовании по делу об убийстве шоферов, описанная в статье «Неопровержимые улики дал обыск».

Обнаружение шоферских свидетельств, тщательно скрытых за обоями, и номера автомашины, зарытого в земле, умелое проведение нескольких криминалистических экспертиз помогли т. Иванющенко изобличить преступников уже после того, как дело о совершенном ими преступлении было милицией прекращено.

Признание обвиняемых, как известно, не является главным доказательством. Учитывая это, следователи должны искать другие доказательства, которые бы цементировали обвинение, подкрепляли признания обвиняемых объективными данными. Примером подобного рода работы служит расследование, проведенное бывшим старшим следователем Московской городской прокуратуры т. Кочаровым по делу о расхищении государственных средств («Закрепление признания объективными данными»).

Действуя оперативно, т. Кочаров принял меры к своевременному выявлению вещественных доказательств и закреплению их научно-техническими методами. Следует особо отметить обнаружение и изъятие им записей на стене, которые позволили найти одного из расхитителей.

С внедрением «следственного чемодана», который уже вручен ряду лучших наших работников отдельных городов и областей, в руках следователей оказывается достаточная материальная база для дальнейшего, еще более широкого применения технических приемов и методов в практике их работы.

Овладеть научно-техническими приемами расследования — важнейшая задача следователей.

**Заместитель директора по научной работе
Всесоюзного научно-исследовательского института
криминалистики Прокуратуры Союза ССР,
Государственный советник юстиции 3-го класса**

П. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ

**Старший следователь
Краснодарской крайпрокуратуры
младший советник юстиции**

Л. О. БЕЛЯК

СЛЕД РЕЗИНОВОЙ ПОДОШВЫ

Ранним утром 17 сентября ученик пасечника совхоза «Кубанская степь», Каневского района, Краснодарского края, Александр Гусак шел на пасеку. Узкая тропинка, ведущая от хутора Западного к усадьбе совхоза, пролегла между посевами проса и конопли. Уже показались крайние постройки совхоза, когда Гусак увидел перед собой лежавшего в посевах проса человека.

«Крепко кто-то выпил», подумал Гусак и, подойдя ближе к лежавшему, по одежде опознал в нем агронома совхоза Калмыкова. Вид Калмыкова, лежавшего лицом вниз с отброшенной в сторону рукой, удивил Гусака, хорошо знавшего, что Калмыков спиртного в рот не брал.

— Александр Яковлевич! — окликнул Гусак Калмыкова. — Вставайте, пойдемте на усадьбу!...

Ответа не последовало. Александр с силой потянул Калмыкова за руку, пытаясь его поднять. Тело лежавшего повернулось, и Гусак увидел на белой рубашке большие темные пятна крови.

— Убит! — крикнул он и побежал к совхозу.

Узнав о несчастье, жители совхоза группами потянулись к месту, где лежал застывший уже труп старшего агронома. До прибытия представителей прокуратуры и милиции на месте происшествия побывали сотни людей. Оставленные преступником следы оказались затоптанными и уничтоженными.

Днем 18 сентября прокурор края предложил мне выехать в Каневский район для производства расследования. Я поехал туда вместе с группой сотрудников уголовного розыска.

В станции Каневской, куда мы прибыли вечером, прокурор района, побывавший уже на месте происшествия, сообщил нам, что возле трупа Калмыкова никаких следов преступника обнаружить не удалось. Метрах в десяти от трупа в коноплянике был найден новый брезент для транспортера вороха комбайна. Брезент этот принадлежал совхозу и хранился в кладовой, откуда исчез в ночь убийства Калмыкова. В здании кладовой оказался пролом.

Рассказав нам об этом, районный прокурор высказал предположение, что убийство Калмыкова совершено кладовщиком Руденчиком, который ревновал Калмыкова к своей жене и угрожал ему расправой. По мнению прокурора, после убийства Калмыкова Руденчик, желая запутать следы и отвести от себя подозрение, симулировал кражу. Выдвинутую им версию о симуляции кражи прокурор обосновал тем обстоятельством, что объемистый брезент будто бы никак не мог быть вытасчен через небольшой пролом в стене кладовой.

Было уже за полночь, когда мы выехали в совхоз, до которого от районного центра было 45 километров. Приехав в совхоз, я прежде всего ознакомился с уже собранными материалами следствия.

В протоколе осмотра места происшествия было, между прочим, зафиксировано, что к обуви Калмыкова пристали листья конопли. Это обстоятельство привлекло мое вни-

мание, так как труп Калмыкова был обнаружен в посеве проса. В посеве же конопли был найден брезент. Возникло предположение, что Калмыков подходил к месту, где был обнаружен брезент, и что между ним и преступником, который шел с похищенным брезентом, произошла борьба, в результате которой Калмыков был тяжело ранен, но смог пройти 8—10 метров и упал в посеве проса.

Это предположение противоречило версии прокурора района о причастности к убийству Руденчика, но мы решили вести расследование с учетом обеих версий.

Вначале был произведен осмотр стены кладовой и пролома. Стена была сделана из горизонтально сбитых досок, имеющих ряд выступов. По этим выступам можно было взобраться на балку крепления. Стоя на балке, оторвать доски в стене и сделать пролом большого труда не представляло.

По заявлению сотрудника милиции, первоначально производившего осмотр кладовой, балка им не осматривалась.

Поднявшись по приставной лестнице к пролому, я осмотрел балку. Под косыми лучами солнца на густом слое пыли был ясно виден след подошвы обуви с левой ноги. На следе, ближе к носку, была видна вдавленная буква «Р» и на каблучке буква «Н». Между ними имелись неясные отпечатки других букв. На следе, кроме этого, были видны узоры, напоминающие узоры на автопокрышках. След был нами сфотографирован и тщательно описан в протоколе осмотра (рис. 1).

Желая установить, возможно ли было вытащить в отверстие пролома свернутый брезент, мы провели следственный эксперимент. Вопреки сомнениям районного прокурора, оказалось, что брезент свободно проходил в пролом.

Еще несколькими допросами была установлена полная непричастность Руденчика к убийству. Осталась одна версия — Калмыков пытался задержать на конопляном поле преступника, похитившего брезент, и был им убит.

Но кто мог похитить брезент? Для какой цели он мог быть использован?

Для разрешения этих вопросов мы допросили одного из комбайнеров, который нам рассказал, что все ком-

байны совхоза полностью обеспечены брезентом, и комбайнерам брезенты не нужны. Комбайнер высказал предположение, что из брезента может быть пошита обувь. Когда мы вызвали сапожного мастера совхоза, он, осмотрев брезент, подтвердил, что брезент является вполне подходящим для пошивки обуви материалом.

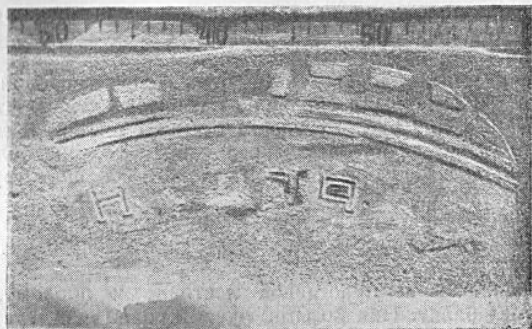

Рис. 1. След подошвы на балке крепления стены кладовой

После этого мы расследовали вопрос о возможности участия в убийстве Калмыкова ряда сапожников совхоза, однако эта проверка ничего существенного не дала.

Путем допроса свидетелей мы решили установить всех лиц, занимавшихся в округе сапожным промыслом. Один из допрошенных свидетелей показал, что незадолго до происшествия встречался с уволенным из совхоза сапожником Лычаком, проживающим на хуторе в трех километрах от совхоза. В беседе со свидетелем Лычак говорил, что он на днях где-то добудет брезент, из которого сошьет пару сапог себе и несколько пар для продажи.

При обыске, немедленно произведенном на квартире Лычака, у него были обнаружены ношенные чупяки с ре-

зиновыми подошвами, сделанными из автопокрышек. На подошве чупяка левой ноги имелось слово «резин» (рис. 2).

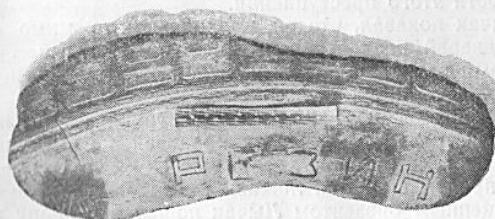

Рис. 2. Фотоснимок подошвы чупяка, изъятого при обыске у Лычака

Экспериментальный оттиск этой подошвы полностью по всем деталям совпадал со следом, обнаруженным на балке сарая (рис. 3).

Рис. 3. Внизу фотоснимок следа, обнаруженного на балке. Сверху — фотоснимок экспериментального оттиска подошвы чупяка, изъятого при обыске у Лычака

После некоторого запирательства Лычак под давлением такой тяжелой улики признал себя виновным в хищении брезента и убийстве Калмыкова и рассказал подробности этого преступления.

Лычак показал, что он, проходя как-то мимо открытых дверей кладовой совхоза, увидел новый брезент, который решил похитить и использовать для пошивки обуви.

16 сентября в 22—23 часа, вооружившись штыком от винтовки, Лычак подошел к кладовой, по выступам стены взобрался на балку, оторвал доску и через проделанный пролом вытащил лежавший на полке брезент. С похищенным брезентом Лычак пошел в сторону хутора Западного, намереваясь спрятать брезент в камышах на берегу реки.

Недалеко от совхоза он увидел старшего агронома Калмыкова и свернул с тропинки в конопляник с тем, чтобы избежать встречи. Однако Калмыков его заметил и, окликнув по имени, предложил нести брезент обратно в совхоз. Лычак пытался бежать, но был Калмыковым задержан. Поняв, что от ответственности ему не уйти, Лычак выхватил штык и, нанеся Калмыкову удар в грудь, убежал, бросив по дороге штык в реку. Оглянувшись, он увидел, как Калмыков, сделав несколько шагов, упал в поле проса.

Лычак указал нам место, куда он бросил штык, однако в илстом дне реки найти его не удалось.

Расследование по делу было проведено в течение 24 часов. Так быстро раскрыть преступление нам удалось благодаря правильно организованному бригадному методу расследования, наличию четкого плана следствия и правильного выбора следственных действий.

Лычак был признан судом виновным и приговорен к длительному лишению свободы.

Народный следователь прокуратуры
Аркадакского района
Саратовской области
юрист 2-го класса
П. И. МЕДВЕДЕВ

ХИЩЕНИЯ В АРКАДАКСКОМ РАЙСОБЕСЕ

Группа бухгалтеров-ревизоров во главе с инструктором-бухгалтером Саратовского облсобеса Паниткиной произвела ревизию Аркадакского райсобеса Саратовской области за период с 1946 по 1947 год.

В результате ревизии, которая была продолжительной и тщательной, ревизоры не уличили кого-либо из сотрудников райсобеса в присвоении государственных средств или в других корыстных преступлениях. В акте ревизии было лишь отмечено, что за 1946—1947 гг. по вине сотрудников райсобеса были допущены переплаты, которые хотя и достигли общей суммы в 32 000 рублей, однако не превышали 100—400 рублей в каждом отдельном случае, и поэтому легко могли быть возмещены пенсионерами после перерасчетов.

Старший инспектор райсобеса Аброськин, исполнявший в то время обязанности заведующего отделом, а

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

также главный бухгалтер Земскова без возражений подписали акт ревизии, и ревизоры уехали в Саратов, на правив акт в прокуратуру для решения вопроса о привлечении к ответственности лиц, виновных в переплатах.

Прокурор района передал мне вышеуказанный акт ревизии с поручением выявить причины переплат. К этому времени переплаченные суммы были удержаны с пенсионеров почти полностью. Вызванная мною из Саратовского облсобеса Паниткина, руководившая ревизией райсобеса, пояснила, что в основном в Аркадакском райсобесе переплаты допускались в тех случаях, когда производился перевод инвалидов-пенсионеров с пенсии высшей группы на низшую, или когда кто-либо из пенсионеров—детей погибших воинов—достигал 16-летнего возраста. Работники райсобеса вследствие загруженности своевременно не отражали в пенсионных делах указанные изменения. Такие переплаты имеют место и в других райсобесах области и обычно погашаются путем последующих перерасчетов.

Материалов, достаточных для продолжения следствия в этот момент у меня не было, так как в то время не было оснований подозревать должностных лиц райсобеса в каких-либо злоупотреблениях, и мне оставалось только одно — вынести постановление о прекращении уголовного дела.

Как-то ко мне в кабинет зашел пенсионер-жалобщик и, заявив, что ему своевременно не начисляют в райсобесе пенсию, просил оказать содействие в получении следуемых денег. При этом он выразил недовольство старшим инспектором райсобеса Аброськиным, который ведет разгульный образ жизни, систематически пьянствует и мало заботится о пенсионерах.

Заявление этого пенсионера натолкнуло меня на мысль проверить образ жизни Аброськина, а попутно и некоторых других работников райсобеса.

Произведенной проверкой было установлено, что Аброськин систематически пьянствовал совместно с инспекторами райсобеса Петруниным и другими в квартирах некоторых пенсионеров или в местной чайной. Далее, путем допроса сотрудников райсобеса и соседей по квартире мною было установлено, что Аброськин и главный бухгалтер райсобеса Земскова в течение последних

18 месяцев находятся в фактическом браке, но почему-то скрывают это. За это время они приобрели ряд ценных вещей, в том числе мебель, ковры, посуду. Было также установлено, что инспектор райсобеса Петрунин купил себе не так давно дом за 17 000 рублей.

Трудность раскрытия хищений в органах социального обеспечения возникает в связи с тем, что эти органы сами деньги пенсионерам не выплачивают. По документам райсобеса деньги выплачивают финансовые органы. Следовательно, деньги могли быть присвоены сотрудниками райсобеса лишь при соучастии работников финорганов или по сговору с получателями пенсий.

Изучив характер деятельности райсобеса, я пришел к выводу, что хищения могли совершаться только путем назначения незаконных пенсий и последующего присвоения их по сговору с «пенсионерами».

Это могло быть выявлено только путем изучения пенсионных дел.

Поскольку в акте ревизии было указано, что с формальной стороны пенсии райсобесом назначались правильно и в пенсионных делах имелись все документы, необходимые согласно инструкции для оформления пенсии, то ставить вопрос о производстве повторной ревизии в Аркадакском райсобесе было бесполезно. Поэтому я решил лично осмотреть пенсионные дела. Задача была не из легких — в райсобесе насчитывалось около шести тысяч дел.

При осмотре пенсионных дел мое внимание обратила на себя одна, кажущаяся на первый взгляд незначительной деталь, внешне как будто даже не имеющая существенного значения. В некоторых пенсионных делах на справках местных советов о возрасте пенсионера, без которых пенсии не могут быть назначены, работниками собеса ставился штамп «пенсия назначена», в то время как в других делах такой штамп на справках отсутствовал. Я обратил также внимание на то, что штамп на справках о возрасте ставился как раз на том месте, где был указан год рождения пенсионера, а сам оттиск обычно был жирным и расплывчатым.

На мой вопрос, почему этот штамп не поставлен на всех делах, вновь назначенный заведующим райсобесом Петченко ответил, что имеется ведомственное указание

ставить на имеющихся в пенсионных делах извещениях воинских частей о гибели или пропаже без вести воина штамп «пенсия назначена». Для чего работники райсобеса ставили в некоторых случаях этот штамп не на извещениях, а на справках о возрасте, ему неизвестно. Это обстоятельство заставило меня еще более тщательно пересмотреть все дела, на которых имелся штамп «пенсия назначена».

Поскольку этот штамп ставился на справках в том месте, где был указан год рождения пенсионера, у меня возникло подозрение, что данные о возрасте подвергались исправлению. Однако видимых следов таких исправлений не было. Осмотрев две тысячи пенсионных дел, я обнаружил среди них лишь десять дел, в которых на справках о возрасте пенсионеров был поставлен жирный, расплывчатый штамп «пенсия назначена».

Желая проверить свои подозрения, я из этих десяти пенсионеров выбрал гражданина Родина и его жену и пригласил их в прокуратуру. Осмотрев их паспорта, я установил, что Родин 1895 года рождения, а его жена 1897 года рождения, в то время как, судя по справкам о возрасте, находившимся в их пенсионных делах, супруги были на 10 лет «старше» — Родин 1885 года, а его жена — 1887 года рождения. Родину и его жену по их действительному возрасту пенсия не полагалась. Уличенный в незаконном получении денег, Родин вынужден был признаться, что фиктивные справки о возрасте он представил в райсобес по договоренности с Аброськиным через его односельчанина Кадина. Аброськин за взятку в 5 тысяч рублей оформил при помощи этих справок пенсию ему и его супруге. Родин получил одновременно 12 700 руб. и, кроме того, получал ежемесячно 254 рубля.

После допроса Родина и его жены для меня стал ясен способ хищения средств, применявшийся Аброськиным и другими сотрудниками райсобеса.

Вооружившись лупой, я продолжал осмотр пенсионных дел и нашел еще несколько справок о возрасте пенсионеров, в которых несмотря на жирный штамп были заметны исправления.

Я обращал внимание не только на справки о возрасте пенсионеров, но и на другие документы, являющиеся

основанием к выплате пенсии, в частности на извещения о гибели воинов Отечественной войны, на справки о зарплате ушедшего в армию воина. И здесь мною были обнаружены подлоги. В некоторых извещениях о гибели воинов имелись еле заметные подчистки дат их выдачи. Произведенной экспертизой документов было установлено, что даты исправлялись путем умело и тщательно произведенных подчисток, с последующим представлением более ранних дат.

Подобных исправлений оказалось большое количество. В результате было установлено, что хищения в Аркадакском райсобесе производились в основном двумя способами, а именно: путем исправления возрастов в сторону их увеличения и незаконного назначения пенсий, а также путем исправления в извещениях года гибели воина или времени, когда воин пропал без вести, и тем самым выплаты пенсии за прошедшее время без всяких к тому законных оснований. Несколько реже преступниками применялся способ хищения, при котором в справках о зарплате погибшего воина путем подчистки увеличивалась сумма фактически получавшейся им зарплаты, что приводило к незаконной выплате пенсий в более крупных размерах, чем она полагалась.

Выявив эти подлоги и присвоения, я немедленно арестовал старшего инспектора райсобеса Аброськина, инспектора Петрунина, главного бухгалтера Земскову и счетовода Филимонову.

Проверкой было установлено, что в числе других пенсию незаконно получила некая Овчинникова. На допросе она показала, что, получив извещение о гибели сына, обратилась в райсобес с просьбой назначить пенсию, но в этом ей было отказано, так как она трудоспособна и не достигла возраста, дающего право на получение пенсии. Через некоторое время к ней на дом пришел ее сосед Кадин и заявил, что он находится в хороших отношениях с сотрудниками райсобеса Аброськиным и другими и за «вознаграждение» может устроить незаконное назначение пенсии. Овчинникова согласилась на предложение Кадина и передала ему извещение о гибели сына, а также справку райсовета с указанием ее фактического возраста. Через 10 дней ей была назначена пенсия в размере 122 руб. 50 коп. в месяц, с единовремен-

менной выдачей 6 691 руб. 25 коп. за время, истекшее с момента гибели ее сына. Из указанной суммы она передала через Кадина Аброськину 2 900 рублей. Исправление в справке года ее рождения с 1893 на 1883, как заявил Овчинниковой Кадин, было произведено Аброськиным и Петруниным.

Получавший по подложным документам пенсию Голосеев на допросе показал, что когда его сын погиб на фронте, он в райсобес за назначением пенсии не обращался, так как знал, что по возрасту пенсия ему не полагается. Вскоре после получения им извещения о гибели сына к нему на дом пришел Кадин и заявил, что он может договориться с сотрудниками райсобеса о том, чтобы за взятку оформить назначение ему пенсии. Дав согласие, Голосеев передал Кадину извещение о гибели сына и справку о возрасте, в которой был указан фактический год рождения Голосеева — 1897 и его жены — 1899 г. Сотрудниками райсобеса справка была исправлена — год его рождения с 1897 года на 1881 год, а его жены с 1899 года на 1882 год. В извещении о смерти сына, где было указано, что он погиб в 1944 году, эта дата была исправлена на 1941 год. В результате произведенного исправления документов Голосееву была назначена пенсия в 138 руб. 50 коп. в месяц и одновременно он получил 8 000 рублей, из которых 4 000 руб. отдал Кадину, поделившемуся деньгами с Аброськиным и Земсковой.

Всего было допрошено свыше 20 человек, которые подтвердили, что за взятки, передававшиеся через Кадина или дававшиеся непосредственно сотрудникам райсобеса Аброськину, Земсковой, Петрунину и другим, они незаконно получали пенсии по фиктивным документам.

Все обнаруженные осмотров в пенсионных делах райсобеса подложные документы я изъял, и после получения заключения экспертизы приобщил к делу как вещественные доказательства.

К уголовной ответственности было привлечено 22 человека, которые осуждены Саратовским облсудом к разным срокам лишения свободы.

*Прокурор следственного отдела
прокуратуры Крымской области
юрист 1-го класса
Р. А. ЭРЛИХ*

РАСКРЫТИЕ УБИЙСТВА ПО СЛЕДАМ ЗУБОВ

В небольшом изолированном домике на одной из окраин города Симферополя проживала семья гражданина Горелик.

Будучи пожилыми людьми, супруги Горелик нигде не работали и жили на доходы, получаемые от продажи молока.

Однажды утром, придя за молоком, соседи нашли дверь дома, где жили Горелик, закрытой. Несмотря на их громкие стуки, дверь никто не открыл. Заподозрив неладное, соседи вызвали представителя милиции, и дверь была вскрыта. Глазам вошедших открылась картина зверского убийства. Посредине комнаты на полу лежали изуродованный труп — Горелик и его жены Кривяцкиной. На трупе Горелик было 27 колотых и резаных ран, глаза его были выжжены. Его жене

было нанесено 19 колотых и резаных ран, руки связаны за спиной, а глаза также выжжены.

При производстве осмотра было обращено внимание на отсутствие каких-либо ценных вещей в квартире, тогда как родственники и соседи, хорошо знавшие покойных, утверждали, что жили они зажиточно и имели много хороших и дорогих вещей. Это обстоятельство, а также разбросанные в беспорядке различные носильные вещи являли собой типичную картину ограбления.

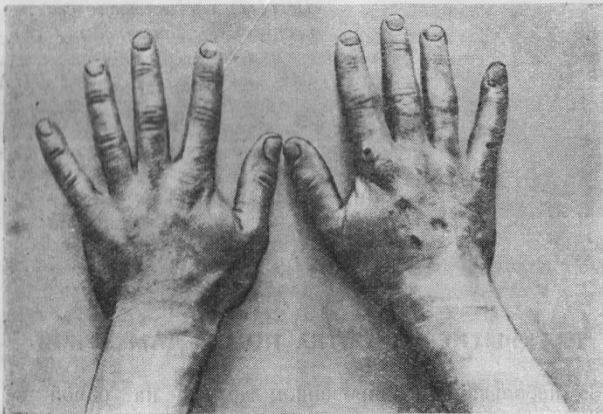

Рис. 1. Фотография кистей рук Федорова: отчетливо видна ссадина

Из расспросов выяснилось, что Горелик и его жена вели замкнутый образ жизни, родные и знакомые посещали их крайне редко, на ночь они тщательно запирали двери дома и калитку ворот. При осмотре одежды убитых в кармане у Горелика был обнаружен ключ от двери, запоры которой не были повреждены. Это давало основание предполагать, что дверь была открыта самим хозяином. Об этом же свидетельствовало и отсутствие следов взлома запоров калитки. Эта догадка наталкивала на необходимость самым тщательным

образом проверить возможность участия в преступлении кого-либо из лиц, близких убитым.

Проверяя возможность участия в преступлении родственников убитых, органы милиции натолкнулись на фамилию некоего Федорова, который в детстве воспитывался в семье Горелик, а в последнее время жил самостоятельно. Было установлено, что Федоров после возвращения из армии нигде не работает, ранее судился за ограбление. По утверждению некоторых лиц, Федоров иногда посещал семью Горелик.

Заподозрив Федорова в совершении преступления, органы милиции задержали его. При личном осмотре задержанного вызвали внимание свежие ссадины на его лице и руках, следы укуса на мизинце правой кисти (рис. 1 и 2). На одежде его были обнаружены пятна, похожие на кровь.

Федоров пояснил, что его исцарапала и укусила некая Муравьева, к которой он в пьяном виде приставал. Муравьева, работавшая в винном ларьке на городском базаре, на допросе подтвердила, что она исцарапала Федорова именно при тех обстоятельствах, на которые он ссылается, но за палец его не кусала. Впоследствии Муравьева свои показания изменила и утверждала, что она на самом деле укусила Федорову палец. Палец был сфотографирован. Кроме того, были изготовлены два слепка этого пальца — гипсовый и металлический (рис. 3).

Для проверки показаний Федорова и Муравьевой опытными врачами-стоматологами была проведена судебно-медицинская экспертиза.

Рис. 2. Фотография мизинца правой руки Федорова

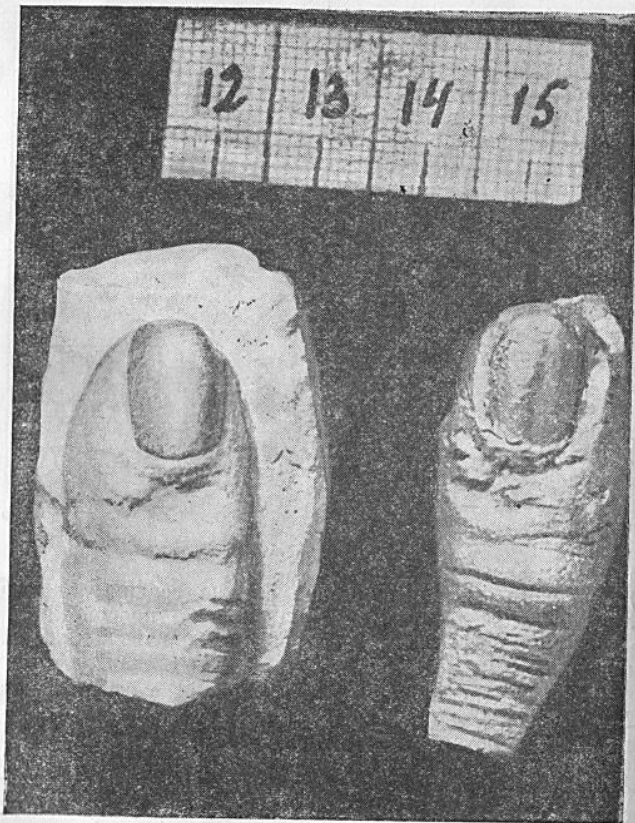

Рис. 3. Фотография слепков мизинца правой руки Федорова

Для того чтобы сравнить оттиск зубов Муравьевой со следами укуса на пальце Федорова, с верхней и нижней челюстями Муравьевой были сняты оттиски, которые под-

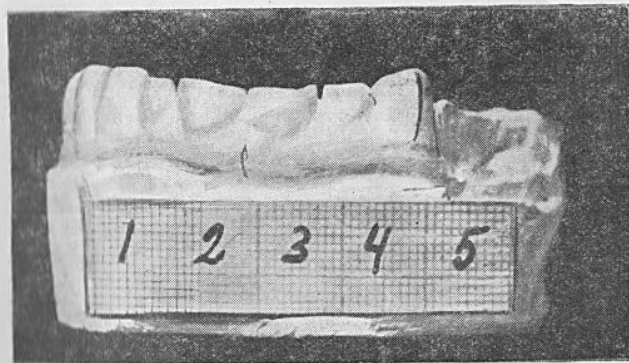

Рис. 4. Снимок слепка нижней челюсти Муравьевой

верглись сравнительному исследованию со следами укуса на пальце (рис. 4 и 5). В результате экспертиза дала заключение, что эти следы не только не совпадают, но и что укус пальца Муравьевой исключается, так как при наличии здоровых и крепких зубов на обеих челю-

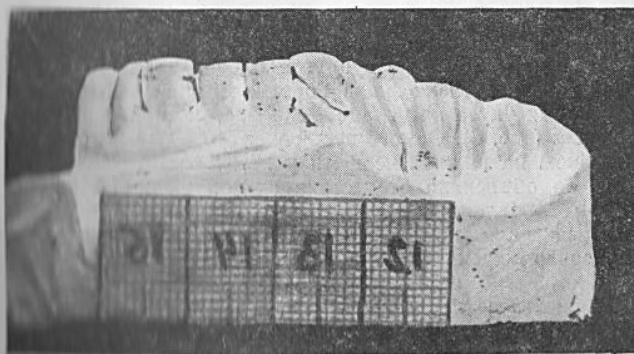

Рис. 5. Снимок слепка верхней челюсти Муравьевой

РЕПОЗИТОРИИ

стях Муравьевой, она, укусив палец Федорова, обязательно причинила бы ему глубокое ранение с двух противоположных сторон пальца.

Между тем следы укуса у Федорова имелись только на одной тыльной стороне ногтевой фаланги мизинца.

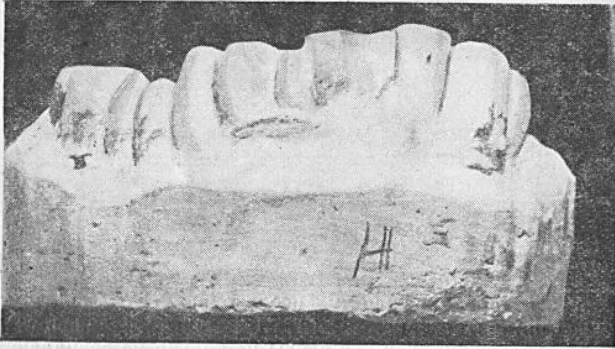

Рис. 6. Снимок слепка верхней челюсти И. Горелик

Такое заключение экспертизы наталкивало на необходимость проверить предположение о том, что Федоров укушен кем-нибудь из супругов Горелик. Для проверки этой версии оттиски зубов Горелик были совмещены с оттисками укуса на пальце Федорова, и они полностью совпали (рис. 6). Осмотр зубов убитого Горелик показал, что зубы на нижней челюсти у него отсутствуют, и это логично объясняло отсутствие следов укуса на пальце Федорова с ладонной стороны. В своих выводах экспертиза дала категорическое заключение, что палец Федорова укусил Горелик, и укусил он именно правым верхним резцом.

Были также подвергнуты экспертизе пятна, обнаруженные на блузке и джемпере Муравьевой. Проведя исследование, экспертиза пришла к выводу, что это — пятна крови, относящейся к третьей группе. Этим заключением было опровергнуто заявление Муравьевой о том,

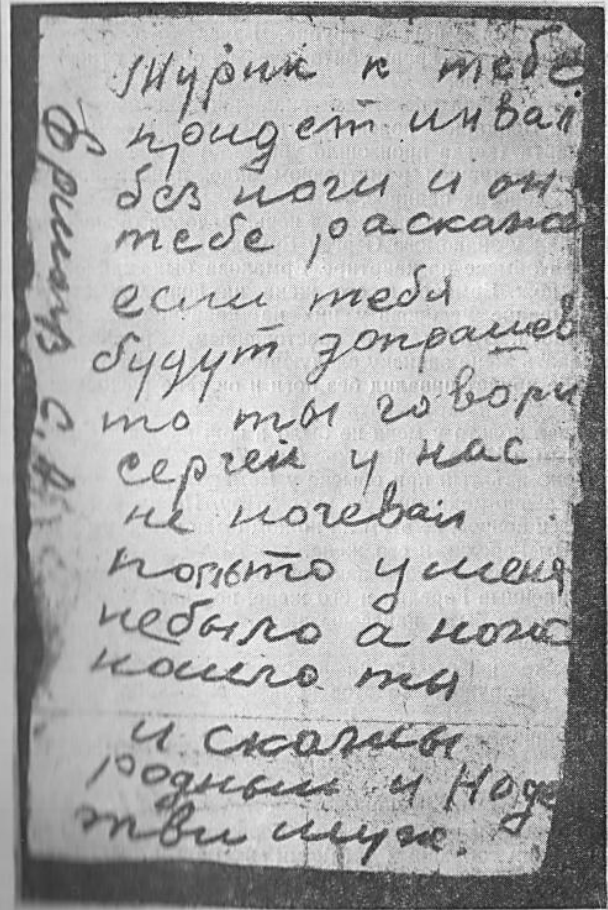

Рис. 7. Фотография записки Ермакова на имя жены

что блузка и джемпер были испачканы кровью Федорова относящейся к первой группе. Более того, экспертиза установила, что кровь убитой жены Горелик относится к третьей группе.

Допрошенная по делу знакомая Федорова — Анастасия Бондарь — пояснила, что Федоров в ночь с 21 на 22 марта (когда произошло убийство) у нее не ночевал. Утром он пришел в нетрезвом виде, принес несколько пачек дорогих папирос, хотя денег накануне не имел. На ее вопрос, где он провел ночь, Федоров объяснил, что ночевал у знакомого Сергея Ермакова.

При обыске на квартире Ермакова был найден финский нож. Ермаков и его жена на допросах отрицали пребывание Федорова у них на квартире в ночь с 21 на 22 марта. Будучи уже арестованным, Ермаков сумел передать жене записку следующего содержания: «Муриша, к тебе придет инвалид без ноги и он тебе расскажет если ты будешь допрашивать то ты говори Сергей у нас не ночевал польто у меня не было а нож нашла ты и скажи родным и Наде твой муж» (рис. 7).

Нож, изъятый при обыске у Ермакова, был направлен на судебно-медицинскую экспертизу. Перед ней был поставлен вопрос, не этим ли ножом были нанесены ранения убитым Горелик и его жене.

Экспертиза в своем заключении указала, что ранения причиненные Горелик и его жене, по характеру и размерам, могли быть нанесены ножом, представленным на исследование.

Позже, при обыске на квартире сестры Муравьевой было обнаружено золотое кольцо, опознанное родственниками убитых как принадлежащее жене Горелик. Обыскиваемая заявила, что кольцо получила в подарок от сестры Екатерины Муравьевой в двадцатых числах марта.

Несмотря на отрицание подсудимыми их участия в ограблении и убийстве семьи Горелик, областной суд на основании собранных органами милиции и закрепленных в стадии предварительного следствия доказательства признал Федорова, Муравьеву и Ермакова виновными приговорив их к строгому наказанию.

Прокурор
Бронницкого района
Московской области
юрист 1-го класса
Д. М. ИВАНЮЩЕНКО

НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ УЛИКИ ДАЛ ОБЫСК

22 января я получил сообщение, что в районе деревни Татаринцево Бронницкого района Московской области обнаружены два мужских трупа. Минут через двадцать вместе с представителями милиции я был на месте происшествия. Трупы лежали на скате глубокого оврага недалеко от деревни Татаринцево (рис. 1 и 2).

Предварительным осмотром было установлено, что оба неизвестных убиты выстрелами из огнестрельного оружия, причем в одежде одного из трупов была найдена пуля от пистолета системы «ТТ». Лица и одежда убитых, на которой неходил слабый запах бензина, были окровавлены.

При осмотре близлежащей местности мы нашли и зафиксировали несколько следов преступления. В частности, в 70 метрах от ската оврага, где были обнаружены трупы, на дороге, ведущей из деревни Морозово в де-

Рис. 1. Положение трупа Г. И. Коршунова

Рис. 2. Положение трупа В. И. Подшекодина

34

ровню Татаринцево, имелся след автомашины, направившейся в Татаринцево и на половине дороги, вблизи оврага, развернувшейся в противоположном направлении (рис. 3).

Рядом со следом разворота автомашины было обнаружено значительное количество впитавшейся в снег

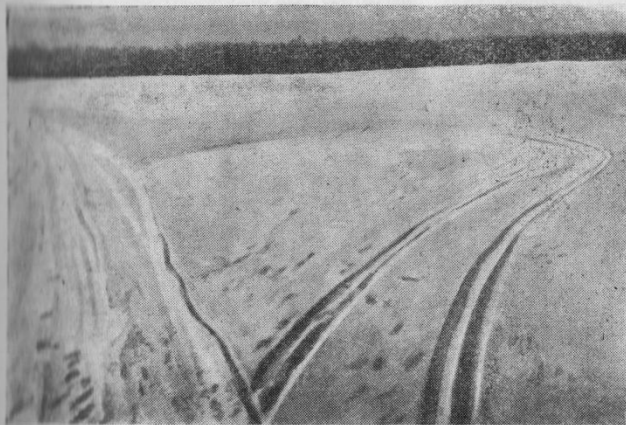

Рис. 3. Следы автомашины вблизи места обнаружения трупов Г. И. Коршунова и В. И. Подшекодина

крови. В этом месте была глубокая вмятина, оставленная, по всей вероятности, лежавшим здесь телом человека. Отсюда к скату оврага вели две дорожки глубоких следов, которые от места обнаружения одного из трупов возвращались обратно (рис. 4).

Более ничего существенного обнаружить не удалось, как не удалось найти и каких-нибудь данных об убитых — карманы их одежды были совершенно пусты.

Место происшествия и трупы были сфотографированы, а все найденные следы подробно описаны в протоколе осмотра.

Судебно-медицинский эксперт, которому поручили исследование трупов, установил, что убийство обоих

35

РЕПОЗИТОРИИ

мужчин осуществлено одинаковым способом, в каждого из них преступники произвели по три выстрела. Убийца стрелял при этом справа налево.

При вскрытии из трупа одного из мужчин была извлечена пуля калибра 6,35 мм. Эксперт пришел к выводу, что смерть этого неизвестного последовала на 20—

Рис. 4. Две дорожки следов ног в снегу, ведущие к скату оврага

25 дней раньше, чем смерть неизвестного, в одежде которого была обнаружена пуля из пистолета «ТТ».

Проанализировав и оценив собранные по делу данные, я пришел к выводу, что оба убийства совершены с целью ограбления, причем убитые являются шоферами и ограблены в разное время. Убийцы, а их, очевидно, было двое, имели пистолет калибра 6,35 мм и пистолет «ТТ». Зная Бронницкий район, они приезжали сюда с шоферами, убивали их, видимо, прямо в кабине и грабили. Пре-

36

ступники, или один из них, умея водить автомашины, по всей вероятности, угоняли их и продавали.

Так как в этот период я наряду с работой следователя выполнял также обязанности прокурора района и был крайне загружен, розыск преступников и установление личности погибших по моему поручению производилась милицией.

Оба убитых были опознаны. Один из них оказался шофером «Мосжилсоюза» Г. И. Коршуновым, бесследно исчезнувшим с автомашиной «ЗИС-5» № МБ-39-90 еще 29 декабря, другой — шофером «Мособлдревсоюза» В. И. Подшеколдиным, не возвратившимся с грузовой автомашиной «ЗИС-5» № МД-42-92 из служебной поездки 21 января.

Проведенным милицией расследованием убийцы Коршунова и Подшеколдина установлены не были, и дело вместе с проектом постановления о его прекращении поступило ко мне.

Интересуясь повседневно ходом расследования этого дела, я одновременно внимательно прислушивался к прекращавшимся в районе разговорам об этом из ряда вон выходящем преступлении. Мое внимание привлекли высказывания некоторых граждан о подозрительном поведении сына священника татаринцевской церкви — Владимира Анурова и предположения о его возможном участии в преступлении.

Не согласившись с прекращением дела, я выяснил, что Ануров не имеет определенных занятий, средства к существованию добывает неизвестным путем, часто бывает у родителей в деревне Татаринцево, хотя прописан и имеет комнату в поселке Новое Ховрино Химкинского района Московской области.

В этот же период в Рыбловском колхозе, расположенном неподалеку от деревни Татаринцево, была совершена кража зерна, в которой был заподозрен Ануров, часто ходивший в Рыблово.

16 апреля Ануров был задержан в Рыблово и подвергнут обыску, при котором у него был изъят пистолет системы «Дуан» калибра 6,35 мм. Незаконное хранение пистолета, в котором Ануров сразу же признался, послу-

37

жило основанием к его аресту. Обыски, проведенные милицией на квартире Анурова и его родителей, результатов не дали.

Приняв дело к своему производству, я направил изъятый у Анурова пистолет вместе с обнаруженными патронами для экспертизы. Перед экспертом была поставлена задача — исследовать пистолет и пули и решить, в частности, вопрос, не была ли выстрелена из этого пистолета пуля, обнаруженная при вскрытии трупа Коршунова. Эксперт пришел к выводу, что исследованная им пуля выстрелена именно из отобранного у Анурова пистолетной системы «Дуан».

Одной этой косвенной улики было совершенно недостаточно для изобличения Анурова в двух убийствах, и я решил, «не беспокоя» арестованного допросами по делу об убийствах, собрать как можно больше улик.

Вначале я подверг исследованию ряд обнаруженных Анурова документов, вызвавших у меня сомнение в их подлинности. В результате выяснилось, что две боевые характеристики, справка о награждении орденом Отечественной войны I-й степени, справка от имени Новоховринского поссовета и отношение в милицию о предписке Анурова являются поддельными. Интересно отметить, что некоторые из этих документов были сфальсифицированы на бланках войсковой части, в которой, по сведениям мною справкам, служил в Москве брат Анурова — Константин Галахов. Установил я также, что Галахов некоторое время проживал в комнате Анурова в Новоховрино, где братья нередко пьянствовали.

Собрав эти данные, я решил произвести в квартире Анурова повторный обыск. Пригласив с собой представителя милиции, я отправился с ним в Новое Ховрино.

Много часов потратили мы на этот обыск, не упуская ни одной детали и мелочи, выстукивая стены, проверяя печи и полы, копая землю в подполье. Нам не пришлось жалеть затраченного времени. Результаты обыска превзошли мои ожидания. В комнате, под обоями, которыми оклеен потолок, над балкой крепления было обнаружено удостоверение шофера Г. И. Коршунова, в котором фамилию убитого грубо исправляли на Коршунович. На кухне, между балкой крепления потолка и потолком

было найдено удостоверение шофера на имя В. И. Поддцеколкина. Под полом мы обнаружили закопанные в землю, на глубине полуметра, передний и задний номерные знаки закрепленной за Поддцеколкиным грузовой автомашины МД-42-92. Кроме того, мы нашли патрон для пистолета «ТТ» и крупную сумму денег.

Рассматривая «трофеи» у себя в камере, я обратил внимание, что лицо на фотографии, наклеенной на удостоверение Коршунова, не имеет сходства с Коршуновым. Жена Коршунова, опознав удостоверение мужа, категорически заявила, что мужчина в морской форме, фотокарточка которого наклеена на удостоверение ее мужа, ничего общего с Коршуновым не имеет.

После обыска, произведенного в квартире родителей Анурова, разгадать, кто был снят на этой фотокарточке, уже не представляло никакого труда. Изъятые мною при обыске фотокарточки второго сына священника — Константина Галахова — имели неоспоримое сходство с лицом, фотография которого была наклеена на удостоверение шофера Коршунова.

Располагая всеми этими серьезными уликами виновности Анурова и его брата в убийстве шоферов, я подготовился к допросу Анурова. Во время этого допроса я испытал известный уже в следствии прием: на край стола мною были уложены изъятые при вторичном обыске на квартире у Анурова вещественные доказательства, которые я прикрыл газетой.

Допрос я вел исключительно по делу о незаконном хранении Ануровым огнестрельного оружия. Ануров подробно рассказывал мне все, что касалось этого пистолета, но смотрел не на меня, а на край стола, где лежала, прикрывая вещественные доказательства, старая газета. Чем более Ануров пытался угадать, что у меня под газетой, тем более он нервничал. Исчерпав все интересовавшие меня вопросы, связанные с оружием, я начал вести допрос по поводу обнаруженных у Анурова поддельных документов. Он тут же признался в фабрикации документов, продолжая, не отрываясь, смотреть на газету.

Тогда, сочтя психологическую подготовку законченной, я объявил Анурову, что незаконное хранение оружия меня само по себе интересует мало, и предложил ему

рассказать, при каких обстоятельствах им было совершено убийство шоферов. С этими словами я откинул газету, предоставив Анурову возможность осмотра доказательства его вины.

Ануров заметно побледнел. Некоторое время он сидел молча. Затем, пытаясь казаться равнодушным, сказал что может мне пояснить происхождение всех этих вещей. Ануров рассказал, что после демобилизации он, возвращаясь домой, познакомился в поезде с вором-рецидивистом Крепчатовым, с которым в дальнейшем длительное время поддерживал знакомство. В декабре он, по просьбе Крепчатова, сказавшего, что ему нужно «обстряпать какое-то дельце», дал ему свой пистолет, который Крепчатов вскоре ему возвратил. В январе Крепчатов еще раз попросил у него оружие и Ануров вновь удовлетворил его просьбу. Крепчатов и на этот раз возвратил ему пистолет и, передав при этом шоферские удостоверения и номерные знаки автомашин, просил их тщательно спрятать. «Повидимому», — высказал Ануров свои предположения, — Крепчатов является убийцей этих шоферов, а я его невольный соучастник».

На мой вопрос о том, когда он последний раз виделся со своим братом Константином, Ануров заявил, что никаких показаний о своем брате давать не желает, братом своим Константином не считает, так как находится с ним в неприязненных отношениях.

На мой вопрос о том, как к нему попали бланки войсковой части, где служил Галахов, Ануров показал, что он взял их у Галахова без разрешения, в период совместного проживания с Галаховым в Новом Ховрино. Ответа на вопрос о том, как на удостоверение Коршунова пала фотокарточка Галахова, Ануров дать не смог.

Неправдоподобность версии, выдвинутой Ануровым в его рассказе о Крепчатове, поведение Анурова на допросе и нежелание его давать показания о брате окончательно убедили меня в том, что участниками расследуемого мною преступления являются оба брата. Еще ранее мною были допрошены родители и родственники Анурова и Галахова, которые показали, что братья жили всегда дружно и никогда не ссорились. Таким образом, утверждения Анурова о его якобы плохих взаимоотношениях с Галаховым опровергались.

Закончив допрос, я объявил Анурову, что ему не верю и приму немедленные меры к аресту его брата, так как убежден, что убийства совершены не мифическим Крепчатовым, а являются делом рук его — Анурова — и Галахова.

Мне было ясно, что после моего заявления о необходимости ареста Галахова Ануров примет все меры к тому, чтобы поставить брата в известность о моих намерениях, а это сможет дать мне в руки какие-нибудь дополнительные доказательства.

Мои предположения оправдались. Ануров в КПЗ завязал тайную переписку с арестованной Натальей Самсоновой, ожидавшей со дня на день освобождения из-под стражи, и пытался через нее предупредить Константина Галахова об угрожающем ему аресте.

Но предположения Самсоновой о скором освобождении не оправдались. Стараясь выполнить поручение Анурова, который обещал жениться на ней после освобождения, Самсонова решила симулировать заболевание, с тем чтобы попасть в больницу и через кого-нибудь из больничного персонала передать сообщение Галахову. Симулянтке не удалось остаться в больнице. При водворении Самсоновой обратно в КПЗ она была обыскана. При обыске у Самсоновой отобрали носовые платки, на которых Ануровым были сделаны записи, подтверждавшие участие Галахова в преступлении. Вот одна из них: «Дорогая Наташенька! Надеюсь, ты не изменишь своему слову. Узнавай, когда я буду в Бронницах... в общем буду ядять и надеяться только на тебя, не подведи, не забудь меня, сходи в Татаринцево и объясни, чтобы мой брат исчез, если он не хочет попасть сюда... Надо, чтобы он скрылся и розыски всесоюзные не нашли его. Целую. Владимир».

Вторая запись еще ярче указывала на причастность Галахова к преступлению: «Дорогая моя, Костя мой брат на юге, пусть к нему кто-либо поедет, желательно, чтобы он изменил свою фамилию и внешность... на этом и кончим переписку и так слишком подозрительно... Если только освободимся, у нас все будет...».

Но на этом переписка не кончилась, и в третьей, последней, записи Ануров писал: «На всякий случай пусть скажут брату, что я его ни в чем не путаю, говорю, что

наши отношения были плохими, я его не любил и братом не считал, он же ничего не знает, а если и жили немного вместе, то обстановка заставила и из-за наших отношений он уехал, пусть он говорит такую правду».

Далее медлить было нечего. Получив в Прокуратуре СССР командировку, я вылетел в Измаил, где находился Галахов. Наше знакомство с Галаховым состоялось в первый же день. Предложив ему несколько общих, не относящихся к делу, вопросов, я, неожиданно для Галахова, предъявил ему удостоверение шофера Коршунова с фотографией Галахова и тут же предложил рассказать мне все обстоятельства убийства и ограбления шоферов.

Галахов был так ошеломлен, что даже не пытался откazyваться и сообщил все подробности совершения им и Ануровым этого преступления.

Вот его рассказ:

«В конце декабря, даты точно я не помню, мой брат Владимир предложил мне «подзаработать». Он нарисовал мне такой план действий: мы идем на Рогожскую заставу к бензоколонке и нанимаем шофера с грузовой автомашиной для поездки в Бронницкий район якобы за дровами. В месте поглуше шофера убиваем, а машину загоняем. Я соблазнился таким легким заработком и согласился на предложение брата. Как было намечено, так мы и сделали. Первым мы наняли шофера Коршунова. Я сел в кузов, место в кабине занял Владимир, который должен был стрелять из имевшегося у него пистолета иностранной марки. На дороге, отходящей от Рязанского шоссе к деревне Татаринцево, машина остановилась, и я услышал три выстрела. Владимир вышел из кабины и сказал, что все готово. Убитого мы отнесли в сторону от дороги и положили на скате оврага под кустом...

Чтобы нашу машину на обратном пути не задержали, так как прав на вождение у меня не было, мы, содрав с удостоверения шофера карточку Коршунова, наклеили мою и исправили фамилию убитого на «Коршунович». Машину до Москвы вел я. Вначале мы поставили ее в Новом Ховрино, затем перегнали в гараж, которым заведывал мой знакомый, сфабриковали необходимые документы и продали машину за 23 000 рублей.

В январе Владимир предложил повторить ограбление,

но сказал, чтобы я достал более верное оружие — пистолет «ТТ». Я одолжил «ТТ» у знакомого, которому не говорил, для чего он мне нужен. Пистолет я передал брату... Как и в прошлый раз, на Рогожской заставе, мы наняли якобы на поездку за дровами шофера Подщеколдина. Подщеколдин был убит Владимиром в том же месте, где и Коршунов. После убийства мы вытащили труп из кабины, положили его в снег, и я развернул автомашину в противоположном направлении. Затем мы взяли убитого, дотащили его до оврага и положили недалеко от трупа Коршунова. Машина была пригнана нами в тот же гараж, перекрашена и продана за 27 000 рублей».

Картина, нарисованная преступником, полностью совпадала с данными осмотра места происшествия и трупов.

После допроса я произвел у Галахова обыск, во время которого он добровольно выдал 10 000 рублей, сказав, что это все, оставшееся у него от выделенной ему Владимиром доли. Ничего другого при обыске обнаружить не удалось.

Галахов был арестован и доставлен в Москву под моим непосредственным наблюдением. Ануров, избитый, помимо косвенных улик, показаниями брата, изменил свои показания и полностью признал себя виновным в совершенном им преступлении.

Следствие я счел законченным только после того, как разыскал и возвратил по назначению похищенные преступниками автомашины.

Ануров и Галахов осуждены к длительным срокам заключения.

*Народный следователь прокуратуры
Верхошижемского района
Кировской области
юрист 3-го класса
И. С. ИОВЕНКО*

УЛИЧАЮЩИЕ РИСУНКИ ИЗ АЛЬБОМА

19 июня 1948 года к прокурору Унинского района Кировской области явилась 63-летняя жительница Красногорского района Удмуртской АССР Анна Львовна Шляева, заявившая, что 10 сентября 1947 года исчезла ее дочь Эльвира, 1925 года рождения, которая в тот день собрала все свои вещи и уехала в город Киров для устройства на работу.

Не получая продолжительное время известий от дочери, Шляева отправилась на прежнее место ее работы, чтобы узнать, не получают ли там письма от Эльвиры. Писем от Эльвиры не оказалось, но Шляевой сообщили, что в сентябре 1947 года Эльвира собралась ехать в Киров не одна, а вместе с Зоей Едигаревой, проживающей в деревне Старые Уни.

18 июня 1948 года Шляева пошла в деревню Старые Уни, где от соседей Едигаревой узнала, что действитель-

но ее дочь Эльвира осенью 1947 года была у Едигаревых и вместе с сестрами Зоей и Анной Едигаревыми куда-то ушла и обратно не возвращалась. Сестры же по истечении нескольких дней возвратились в деревню, и Зоя начала продавать вещи, которые, по рассказам соседей, напоминают вещи, принадлежавшие Эльвире. В частности Шляевой сообщили о продаже этих вещей Зоей гражданам Деньгину, Вавиловой и Пантюхиной.

Прокурор района, получив такое заявление, произвел выемку вещей у Деньгина, Пантюхиной и Вавиловой, которые рассказали, что вещи эти продала им Зоя Едигарева.

Расследование этого дела было поручено народному следователю т. Култышеву.

Следствием было установлено, что в сентябре 1947 года у сестер Едигаревых появилось много новых носильных вещей, в том числе пальто, платье, жакет, валенки.

Допрошенные следователем двое жителей деревни Старые Уни показали, что Зоя с ними менялась одеждой и они взамен давали ей одежду худшего качества без какой-либо сдачи или доплаты. Гражданин Кривцов вспомнил, что в сентябре 1947 года заходил к Едигаревым и видел, как Зоя и Анна Едигаревы, а также незнакомая ему девушка укладывали вещи в чемодан.

При обыске у Едигаревых были обнаружены и изъяты дамское пальто, джемпер и жакет. Едигаревы объяснили, что эти вещи принадлежат им и ранее находились у их отца, проживающего в другой деревне.

Зоя и Анна Едигаревы были арестованы.

На допросе Анна Едигарева заявила, что местопребывание Эльвиры Шляевой ей неизвестно, что же касается вещей, обнаруженных при обыске, то они были приобретены Зоей у Эльвиры за деньги, вырученные от продажи заработанного ею и сестрой зерна. Зоя Едигарева подтвердила показания своей сестры и, кроме того, пояснила, что, истратив деньги на покупку одежды, она раздумала ехать в Киров. Проводив Эльвиру до станции Уни, она вернулась домой, оставив Эльвиру на станции в подругой Зои — Риммой Пантюхиной и уполномоченным по хлебозаготовкам Петром Андреевичем Муниным,

которых она и Эльвира встретили по прибытии на станцию. Через некоторое время, по показаниям Зои Едигаревой, Пантюхина вернулась в деревню и принесла с собой вещи, принадлежащие Эльвире, заявив при этом, что эти вещи она вместе с Муиным похитила у Эльвиры.

Впоследствии Зоя Едигарева изменила свои показания и заявила, что она и Эльвира встретили на дороге Римму Пантюхину и Петра Муина, с которыми вместе доехали до деревни Новая Сибирь, где остались ночевать в доме отца Муина, так как ехать дальше было уже поздно. Когда рано утром Зоя проснулась, Эльвиры в комнате не было, и Зоя, выйдя в сени, увидела труп Эльвиры, завернутый в домотканый ковер. Муин приказал ей и Пантюхиной молчать, пригрозив убийством, и отдал часть принадлежащих Эльвире вещей, которые она впоследствии продавала и носила сама. По предположению Зои Едигаревой труп Эльвиры был зарыт Муиным в хлев.

Будучи допрошенными, Муин и Пантюхина заявили, что Эльвира Шилиева вместе с ними не ехала и у Муина ни разу не была.

В доме Муина труп Эльвиры найден не был, но во время обыска были обнаружены два лоскута от платьев. Присутствовавшая при обыске Зоя заявила, что это лоскуты от платьев Эльвиры. Мать Эльвиры опознала один из лоскутов (белый в черную горошинку), сообщив, что у Эльвиры было с собой при отъезде платье из такой же материи.

12 сентября 1948 года следователь т. Култышев заключил под стражу Пантюхину и вынес постановление о привлечении ее к уголовной ответственности, хотя достаточных доказательств причастности Пантюхиной к убийству Эльвиры им собрано не было. Однако, не имея достаточных улик в отношении Анны Едигаревой и Риммы Пантюхиной, вскоре следователь освободил их из-под стражи и дело против них прекратил.

К уголовной ответственности за убийство и ограбление Эльвиры Шилиевой, труп которой не нашли, была привлечена Зоя Едигарева. Единственным доказательством по делу служили найденные у Едигаревых при-

надлежащие Эльвире вещи. Дело с обвинительным заключением направили в областную прокуратуру, но прокурор Кировской области в суд его не направил, считая, что следствие проведено односторонне. Прокурор области поручил мне дальнейшее расследование по этому делу.

13 января 1949 года, т. е. спустя почти полтора года после исчезновения Эльвиры Шилиевой, я принял дело к своему производству и приступил к расследованию.

Изучив дело, я увидел, что следствие проведено небрежно, ряд необходимых следственных действий произведен не был и в то же время было сделано множество безрезультатных и ненужных обысков и допросов. К тому же труп Эльвиры найден не был, и, таким образом, не было известно, действительно ли она убита. Некоторые свидетели, показания которых могли иметь существенное значение для дела, выехали в другие области. Кроме того, стояла суровая зима с метелями и, в связи с заносами, я имел возможность передвигаться только на лошадях, а следствие необходимо было проводить в разных районах: Мухинском, Бельском, Унинском, Фаленском.

Составив план расследования, я наметил ряд версий, которые необходимо было тщательным образом проверить. Прежде всего следовало установить, была ли Эльвира Шилиева убита или она в самом деле уехала в Киров либо в другую местность. Если будет установлено, что Шилиева убита, следовало проверить несколько возможных версий убийства, установив, кто и при каких обстоятельствах ее убил.

Изучив протоколы допросов Анны Едигаревой, я увидел, что она часто меняла свои показания, путаясь в подробностях. Придя к заключению, что показания Анны Едигаревой неправдоподобны, я поставил вопрос об отмене ранее вынесенного следователем т. Култышевым постановления о прекращении дела в отношении ее.

Для проверки версии о том, что Эльвиру никто не убивал и она живет в Кирове или в одном из районов Кировской области, я через паспортные столы города Кирова и ряда районов области проверил, проживает ли она там и, если проживала ранее, то когда и куда выехала.

Получив отовсюду отрицательные ответы, я этим не ограничился и допросил ряд подруг и родственников Эльвиры Шиляевой, которые сообщили, что ее местонахождение им неизвестно, что переписки с ней они не имеют. Мною были также допрошены и работники почты, которые сообщили, что писем от Шиляевой не поступало.

Передо мной встала и другая задача. Следовало установить, все ли вещи Эльвиры Шиляевой находились у Зои Едигаревой и были ею проданы. В случае, если будет установлено, что все вещи Эльвиры, бывшие с нею в момент исчезновения, находились у Зои, то получала подтверждение версия об убийстве, так как передвигаться, тем более осенью, без единой вещи Эльвира не имела возможности.

Допросив родителей, родственников, соседей, а также и портных, которые шили Эльвире, я установил, что в чемодане у нее находились 28 вещей и на ней были надеты 9 вещей.

При допросе свидетелей я уделил особое внимание установлению индивидуальных признаков каждой вещи — по какому фасону она сшита, какого цвета пуговицы, как они расположены и т. д. Для наглядности я достал образцы материй, из которых были сшиты вещи Эльвиры. Некоторых лоскутков у ее матери не оказалось, и я розыскал их у портных, которые шили вещи для Эльвиры.

Мною было также установлено, что Эльвира умела хорошо рисовать цветными карандашами и акварельными красками. Ценные показания об этом дал близкий знакомый Эльвиры Пермяков, который, подтвердив способность Эльвиры к рисованию, сообщил, что она особенно хорошо рисовала цветы. В подтверждение этого он принес мне несколько рисунков, подаренных ему Эльвирой, с ее надписью, что дало мне возможность установить также почерк Эльвиры. Пермяков рассказал также, что у Эльвиры был альбом с ее рисунками. Мать Эльвиры подтвердила это и показала, что этот альбом Эльвира, собираясь ехать в Киров, взяла с собой.

Путем допросов я установил, что у Эльвиры было маленькое карманное четырехугольное зеркальце с обложкой синего цвета, которое она всегда носила в кармане жакета.

В Леденцовском детдоме, где ранее работала Эльвира, я узнал, что она была уволена по собственному желанию, никакой недостачи за ней не числилось, и она уехала, даже не взяв своей зарплаты. Это обстоятельство говорило о том, что у Эльвиры, если она жива, нет оснований скрывать свое местожительство из боязни какой-либо ответственности.

Мать Эльвиры, а также ее подруги и знакомые рассказали, что Эльвира была жизнерадостной. Никаких личных неприятностей у нее не было. Это дало основание предполагать, что Эльвира не могла покончить жизнь самоубийством по каким-либо личным мотивам.

Работники детдома на допросах показали, что Эльвира им рассказывала о своей новой подруге Зое Едигаревой, вместе с которой она собиралась ехать в Киров. Эльвира хотела там поступить на работу. Зоя обещала ей помочь устроиться в городе и предлагала взять с собой все свои вещи.

Перед отъездом Эльвира говорила, что она пойдет в деревню Старые Уни к Зое Едигаревой, а затем вместе они отправятся к отцу Зои, где возьмут продукты на дорогу — яйца, масло и мед.

Мною было установлено, что Эльвира, выйдя из Леденцовского детдома, направилась к Зое в деревню Старые Уни утром 11 сентября 1947 года. Точность этой даты подтвердилась произведенным мною осмотром паспорта подруги Эльвиры, которая, выйдя вместе с Эльвирой, отправилась за паспортом, и получила его в тот же день в РО МВД, о чем свидетельствовала указанная в паспорте дата его выдачи.

Многие свидетели при допросах говорили, что за давностью времени забыли даты событий, о которых давали показания. При этом они часто ссылались, для определения времени, на тот или другой церковный праздник. Я достал православно-церковный календарь издания Московской патриархии за 1947 год. Из этого календаря я сделал необходимые выписки о датах церковных праздников и вместе с табель-календарем приобщил их к делу. Имея такие выписки и табель-календарь, я имел возможность при ссылках допрашиваемых свидетелей на церковные праздники точно выяснять дату того или иного события.

Так, мне удалось точно установить, что Зоя и Эльвира вышли из деревни Старые Уни 13 сентября 1947 года около 9 часов утра и что их провожала сестра Зои — Анна, которая в тот же день возвратилась обратно.

К делу я также приобщил справку о долготе дня за период времени с 11 до 15 сентября 1947 года. Знать долготу дня мне было необходимо для того, чтобы установить, как далеко могли уйти в тот день Зоя с Эльвирой.

Зоя показала, что она, Эльвира, Римма Пантюхина и Петр Муин, дойдя до деревни Новая Сибирь, ввиду позднего времени остались там ночевать. Расстояние от деревни Старые Уни до деревни Новая Сибирь составляет всего 17 километров. Между тем, по показаниям Зои выходило, что они 17 километров шли 10—11 часов, что являлось неправдоподобным.

Мне необходимо было также установить, где находятся вещи Эльвиры. Для этого я произвел тщательные обыски в деревне Старые Уни в квартире и в подполье дома Анны Афанасьевны Кривцовой, у которой Зоя проживала в то время, в домах Риммы Пантюхиной, Петра Муина и родственника Пантюхиной — Петра Романовича Пушкарева.

Ни труп Эльвиры, ни другие вещественные доказательства мною обнаружены не были.

Тщательно составив план расположения этих домов с пристройками и план окружающей местности, я после обысков допросил лиц, хорошо знающих Пантюхину, Пушкарева, Муина и бывавших у них дома. Из их показаний я сделал вывод, что Эльвира не могла быть убита в этих домах.

У Зои и Анны Едигаревых была еще сестра Ирина, о которой Зоя говорила как о девочке. Я решил допросить Ирину, для чего пригласил педагога. Однако ко мне в кабинет вошла не маленькая девочка, а взрослая, хорошо развитая девушка. На допросе Ирина сообщила, что по делу об исчезновении Эльвиры Шилиевой ей ничего не известно, так как, во-первых, Эльвиру провожали ее сестра Зоя и Римма Пантюхина, а она Эльвиру не провожала, а, во-вторых, в то время она была маленькой. При этом Ирина настойчиво несколько раз повторила, что ей в то время было всего 12 лет.

Несоответствие ее роста и физического развития указанному ею возрасту, заставило меня усомниться в правдивости ее показаний. Произведя обыск на квартире у матери сестер Едигаревых — Евдокии, я обнаружил свидетельство о рождении Ирины, в котором было указано, что она родилась в 1932 г. Следовательно, Ирине в 1947 году было не 12, как она показывала, а около 15 лет.

Евдокия Едигарева еще следователю т. Култышеву показала, что осенью 1947 года ее дочери Зоя и Ирина ходили в деревню Баженово к отцу за картошкой. На это показание, однако, в то время не было обращено внимания. Мне показалось странным, что две девушки осенью, когда картошка есть везде, отправились за ней в деревню Баженово, которая от деревни Старые Уни находится на расстоянии 34 километров.

Скопировав карту Унинского и Бельского районов, я тщательным образом отметил на ней все овраги, болота, речки и дороги, после чего путем допроса свидетелей установил дороги, по которым ходят и ездят из деревни Старые Уни в деревню Баженово. Оказалось, что летом ходят, а зимой обычно ездят по дороге, которая идет из деревни Новая Сибирь через деревни Дубравцы, Кокоры и Полом, летом же ездят по другой дороге, где мало оврагов и речек, но этот путь намного длиннее. Ирина же утверждала, что она из деревни Старые Уни в деревню Баженово осенью ходила по дороге, по которой обычно ездят летом, видимо, явно не желая упоминать о другой дороге, через деревню Кокоры.

Прибыв в деревню Баженово, я первым делом произвел обыск на квартире у отца Едигаревых — Ильи Едигарева. Коровы у него не было с 1941 года, а также не было ни кур, ни пчел. Стало ясно, что Зоя обманывала Эльвиру, говоря ей что у него можно взять яйца, масло и мед.

В доме у Ильи Едигарева я обнаружил на полу и на стенах следы крови, в отношении которых Едигарев пояснил, что это кровь от куриц, которых он резал еще в 1943 году. В подполье на стенах были стесаны доски, у топора сделано новое топорище. Эти данные требовали проверки версии, по которой Эльвира, возможно, была убита в доме Ильи Едигарева, куда ее могла заманить

Зоя. Следы крови я немедленно изъял для последующего определения ее видовой и групповой принадлежности.

Я пригласил рабочих, которые начали рыть грунт в подполье, но труп Эльвиры там найден не был. Под полом, в мусоре, который падал через щели пола, и в углу за иконей я обнаружил два обрывка от листов альбома. На обрывках были вырезы для фотокарточек, а вокруг вырезов цветными карандашами и акварельными красками были нарисованы цветы. Обнаружив эти обрывки листов альбома, я вспомнил показания Пермякова и матери Эльвиры о том, что Эльвира особенно хорошо рисовала цветы.

В том, что это были листы из альбома Эльвиры, сомнений не было, так как на одном обрывке под следами от фотокарточки и под нарисованными цветами было написано «...и Шилыева Эля». Путем сравнения имеющейся у меня записи, сделанной рукой Эльвиры Шилыевой, и записи, сделанной на листе, я сразу установил, что произведены они рукой Эльвиры Шилыевой. Позже экспертиза подтвердила этот мой вывод.

Илья Едигарев на вопрос, откуда у него эти обрывки листов из альбома, заявил, что зимою 1947/48 года эти листы принесла его дочь Ирина и приклеила на стенку для украшения, но летом 1948 года эти листы почему-то со стены сняла и убрала за икону, а часть выбросила.

Анна Едигарева показала, что изображенные на обрывках листов цветы рисовала сама Ирина, которая якобы хорошо рисует.

Вызвав к себе в кабинет Ирину Едигареву, я решил произвести следственный эксперимент. Не показывая Ирине найденные рисунки, я предложил ей нарисовать цветы, какие она обычно рисовала раньше, дав ей для этого чистый лист бумаги из альбома для рисования, цветные карандаши, акварельные краски и кисточку. Ирина нарисовала несколько цветов, но эти рисунки по манере исполнения совершенно не походили на те, которые были найдены при обыске в доме ее отца. Следует также отметить, что во время следственного эксперимента Ирина пользовалась только цветными карандашами, так как оказалось, что акварельной краской она вообще пользоваться не умеет. В результате Ирина вынуждена была сознаться, что рисовать она не умеет и что листы,

найденные при обыске у ее отца, принадлежат не ей. Откуда взялись эти листы, она объяснить отказалась, заявив, что об этом может рассказать Зоя, которая подарила ей этот альбом. Далее Ирина показала, что, когда началось следствие по делу об исчезновении Эльвиры Шилыевой, Зоя ей сказала, чтобы она уничтожила альбом, но она эти листки все-таки не порвала, а спрятала за икону.

При тщательном осмотре дома Едигаревых под шестком печи, в разном мусоре мне удалось найти три большие роговые пуговицы черного цвета и одну небольшую пуговицу красного цвета.

Имея подробное описание вещей Эльвиры с их индивидуальными признаками и ее фотокарточку, где она была снята в пальто, я установил, что найденные в доме Илья Едигарева черные пуговицы сняты с демисезонного пальто Эльвиры, а красная пуговица — с ее белой шелковой кофточки.

Осмотрев демисезонное пальто, изъятое у Зои и опознанное матерью Эльвиры как принадлежащее ее дочери, я установил, что петли на пальто оказались частично зашиты, видимо с целью уменьшения, и что на пальто пришиты три пуговицы небольшого размера. Из этого можно было сделать вывод, что Зоя старалась как-то изменить пальто, чтобы оно не походило на пальто Эльвиры.

Допрашивая жителей ближайших деревень, я пытался установить, кому из них Зоя Едигарева продавала вещи, но свидетели упорно молчали, видимо боясь, что я отберу купленные ими вещи. Производить обыск у всех не было возможности. Однако путем упорных допросов мне удалось установить, что Зоя Едигарева продала часть вещей, в том числе жакет, сукно и воротник, нескольким жителям деревень Старые Уны и Баженово, а также, что Зоя сама носила пальто, коричневый берет и жакет Эльвиры. Все эти вещи мать Эльвиры опознала как принадлежащие ее дочери.

Свидетельница Кривцова подтвердила, что она видела на Зое коленкоровую с кружевами нижнюю рубашку, а также что после ухода Эльвиры у Зои появилось много новых вещей, в том числе и зеркальце с синей обложкой, которое она по неосторожности разбила.

После того, как я нашел у Едигаревых все вещи Эльвиры, вплоть до нижней рубашки, мне стало ясно, что Эльвира убита.

Опровергнув путем тщательного исследования выдвинутую Зоей Едигаревой версию о том, что Муин дал ей лишь только часть вещей Эльвиры, а остальные оставил у себя, я произвел проверку ранее данных показаний о том, что обнаруженные у Зои вещи она купила у Эльвиры на деньги, вырученные от продажи заработанного зерна. Осмотром документов в колхозе я установил, что в сентябре 1947 года Зоя не получала зерна, а получила его лишь 31 октября и в декабре 1947 года. Следовательно, в сентябре 1947 года она не могла продать это зерно и расплатиться вырученными за него деньгами за якобы приобретенные у Эльвиры вещи.

Моя версия о том, что Эльвира была убита в доме Ильи Едигарева оказалась несостоятельной, так как экспертиза дала заключение, что кровь, следы которой я нашел, действительно принадлежит курице, а не человеку.

Передо мной стояла задача найти труп Эльвиры.

Зоя продолжала настаивать, что Эльвиру убил Муин путем удушения. При этом она подробно рассказала, как он ее душил. Такое подробное описание убийства говорило за то, что или действительно Зоя видела все это, или что она сама задушила Эльвиру.

Так как труп Эльвиры в доме Ильи Едигарева найден не был, я приступил к проверке версии о том, что Эльвира была убита где-то на дороге между деревнями Старые Уни и Баженово.

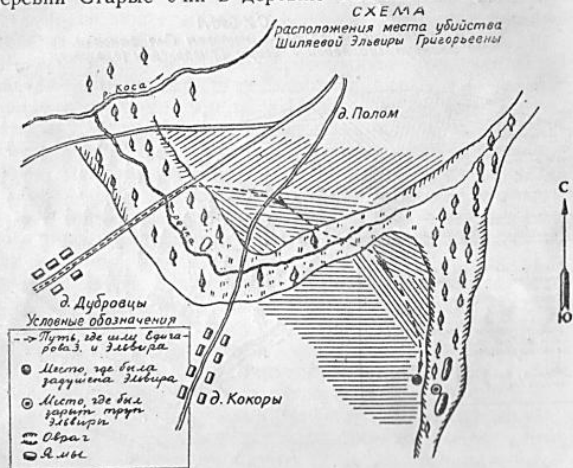
Я вторично стал тщательно изучать пути, по которым ходили Едигаревы. Я прошел по этим местам на лыжах, останавливаясь у каждого оврага, лесочка, хорошо изучил пути по большой и малой дорогам.

Возле деревни Кокоры, в 4 километрах от деревни Баженово, я заметил большой глубокий овраг, покрытый густым лесом.

Учитывая, что Зоя Едигарева продолжала настаивать на своих прежних показаниях о том, что убийство совершено Муиним, я вызвал конвой для препровождения ее в Бельский район. Зоя насторожилась. Затем я предъявил ей все собранные мною доказательства (вещи, листки из

альбома) и предложил рассказать, как она удушила Эльвиру. Зоя начала волноваться, но все же продолжала утверждать, что Эльвиру убил Муин, а не она.

Тогда я стал ее расспрашивать о дорогах, ведущих из деревни Старые Уни в деревню Баженово. Она охотно

и подробно рассказывала о более длинной дороге, но лишь вскользь упомянула о дороге через деревню Кокоры. Я попросил ее рассказать подробно обо всех особенностях именно этой дороги. Она рассказала почти обо всех оврагах, упустив самый большой и глубокий, тот самый, на который я обратил при изучении местности особое внимание. Я напомнил Зое про этот овраг. Волнение Едигаревой увеличилось. Тогда я ей заявил:

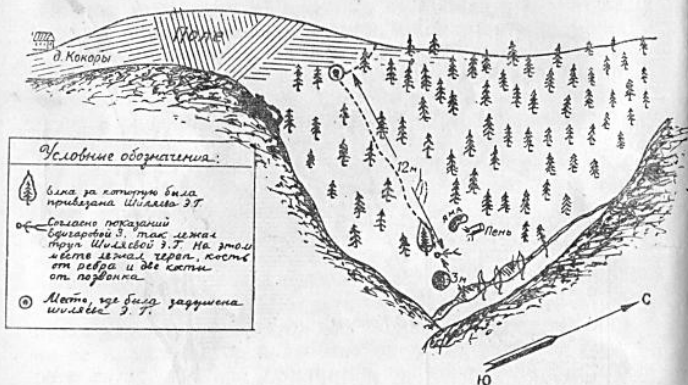
— Вы задушили Эльвиру возле большого оврага, что около деревни Кокоры. Сейчас мы поедем туда, и вы покажете, где находится труп.

Зоя заплакала и спросила:

— Откуда вы это знаете?

Затем она подробно рассказала, как вместе со своей сестрой Ириной задушила Эльвиру. Записав показания Зои, я немедленно выехал вместе с ней на место происшествия. Там она указала, где находится труп Шилиевой.

СХЕМА
расположения оврага в котором был закопан труп Шилиевой Эльвиры Григорьевны (вразрезе)

Вместе с понятными я стал осторожно раскапывать снег и на том месте, где указала Зоя, обнаружил примерзший к земле череп человека. Других костей я не обнаружил. По всей вероятности, кости были растащены зверями.

Череп был направлен для судебно-медицинского исследования. Экспертиза дала заключение, что череп принадлежит женщине в возрасте 18—25 лет (Эльвира в то время была в возрасте 21 года). Два верхних коренных зуба были карнозные. Допросив мать Эльвиры, я установил, что коренные зубы были у Эльвиры испорчены и она часто жаловалась на зубную боль, но идти к врачу не хотела.

Во время последующих допросов Зоя и Ирина подробно рассказали, как они убили Эльвиру.

Выйдя 13 сентября 1947 года из деревни Старые Уни, они пошли вместе с Эльвирой якобы в деревню Баженово к их отцу за продуктами. Еще до этого Зоя и Ирина Едигаревы договорились между собой совершить убийство Шилиевой и ограбить ее. Когда они дошли до большого оврага возле деревни Кокоры, Зоя предложила отдохнуть. Эльвира согласилась и легла на землю лицом вниз. Спустя некоторое время, после того как Шилиева начала дремать, Зоя Едигарева села на голову Эльвиры и стала ее душить, а Ирина в это время сидела на ногах Шилиевой и держала ее за руки. Зоя душила Шилиеву одной рукой, а другой закрывала ей рот.

После того как Эльвира была задушена, Зоя разделала ее. Затем опасаясь, чтобы Эльвира не очнулась, Зоя поясом туго перетянула ее шею и стащив тело вниз, на дно оврага, вырыла руками яму, куда положила Шилиеву и сверху засыпала тонким слоем земли.

Вещи Эльвиры Зоя и Ирина распределили между собой, уделив некоторые Анне, а часть продали. Фотокарточки из альбома они уничтожили, а листы с рисунками приклеили на стенку.

Для того чтобы затруднить опознание некоторых носильных вещей, Зоя отрезала пуговицы от пальто и кофточки и заменила их другими. Что касается обнаружения следователем т. Култышевым при обыске на квартире у Муина лоскута от платья Эльвиры, то оказалось, что, присутствуя во время обыска, Зоя незаметно для Култышева подбросила этот лоскут.

Сестры Едигаревы Зоя, Ирина и Анна осуждены Кировским областным судом.

Народный следователь прокуратуры
Облиского района
Ростовской области
юрист 3-го класса
В. А. ГОРИН

СЛЕДЫ ВЕЛОСИПЕДА ПОМОГЛИ РАСКРЫТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

На рассвете 7 ноября девочка Вера Буглуцкая, выйдя на улицу, увидела около дома колхозницы Дундуковой окровавленный труп мужчины. Вера вернулась домой и сообщила об этом матери и отцу. Вскоре об убийстве знал весь хутор. В убитом колхозники опознали комсомольца Дмитрия Водолазова.

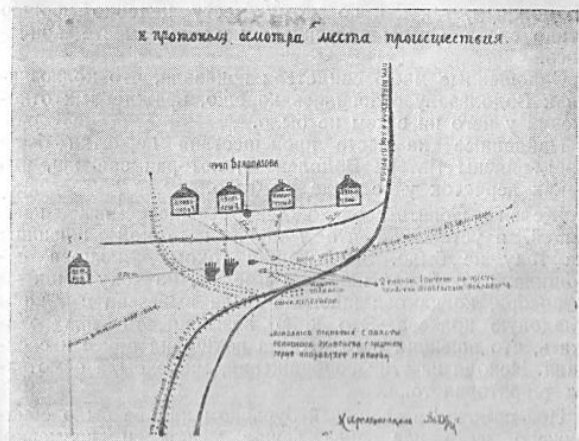
О случившемся я был поставлен в известность в 9 часов утра и совместно с приглашенным мною врачом медленно выехал на место происшествия.

Приняв меры к охране места происшествия, я приступил к его осмотру.

Дом Дундуковой, около которого был обнаружен труп, расположен на окраине хутора Лобачево. У плетня в сидячем положении находился труп Водолазова, на

лице которого в области левого угла рта имелась рана размером 1×1 см.

При осмотре места происшествия, на расстоянии 35 метров от трупа, была обнаружена пара шерстяных мужских перчаток, связанных из серого пуха. На расстоянии 50 метров имелись множественные следы кро-

ви и след колес велосипеда с характерным рисунком покрышек. Недалеко от следа велосипеда лежали две стреляные гильзы.

Идя вдоль этого следа, я заметил на вспаханной почве следы падения велосипеда и какого-то груза. На этом месте были обнаружены зерна пшеницы.

На проселочной дороге, идущей в сторону тока колхоза, имелись незначительно выраженные следы колес двух велосипедов с теми же рисунками покрышек.

Мною были составлены подробный протокол осмотра и схема места происшествия. Никаких технических приспособлений у меня не имелось, и поэтому я был вынужден ограничиться лишь зарисовкой следов.

Велосипедный след привел меня к приусадебному участку Анны Моисеевны Медведевой. В 100 метрах от ее дома, в канаве мною был обнаружен прикрытый травой мешок, в котором находилась мягкая пшеница. Мешок был испачкан кровью и грязью. При исследовании было установлено, что кровь на мешке человеческая.

Следы ног человека обнаружить не представилось возможным, так как по этому месту недавно прошло стадо скота. Следы велосипеда на этом месте кончались.

Опрошенные мною свидетели показали, что колхозники к Водолазову относились хорошо, враждебных отношений у него ни с кем не было.

Найденные на месте происшествия перчатки были предъявлены матери Водолазова, которая заявила, что таких перчаток у ее сына не было.

Желая выяснить происхождение мешка с мягкой пшеницей, я установил, что 7 ноября такой пшеницы на току не было. Заведующая током Фильцова сообщила, что мягкая пшеница имела на току лишь до 3 ноября, когда вся пшеница была вывезена с тока в кладовую колхоза. Это дало возможность предположить, что пшеница с тока была похищена ранее и спрятана. Исходя из этих соображений, мною была осмотрена территория тока.

При осмотре в заросшей бурьяном канаве было обнаружено место, где ранее лежал мешок, и примерно около полкилограмма рассыпанной пшеницы. Она была изъята и вместе с образцами пшеницы, обнаруженной в окровавленном мешке около усадьбы гражданки Медведевой, и пшеницы, находящейся с 3 ноября в кладовой колхоза, направлена в лабораторию для исследования, которое установило полную тождественность всех трех образцов.

Около канавы, при осмотре, были обнаружены еле заметные следы двух велосипедов, которые привели меня к месту совершения убийства Водолазова.

Колхозник Бабенко на допросе рассказал мне, что в ночь на 7 ноября он был в гостях вместе с Водолазовым, который ушел ранее его. Возвращаясь от гостей, Бабенко услышал сначала крик Водолазова «Что вы делаете?», а затем выстрел и опять крик Водолазова «ой, ой».

Бабенко слышал также, что вслед за этим в противоположную сторону кто-то проехал на велосипеде.

Передо мной стояла сложная задача: установить, кому принадлежат перчатки из серого пуха, найденные на месте убийства Водолазова, и чей велосипед оставил на земле след.

Прежде всего я установил, сколько велосипедов имеется в хуторе Лобачево и кому они принадлежат.

Всего на хуторе оказалось 10 велосипедов.

Произведя осмотр следов шин от этих велосипедов и оформив это протоколом, я установил, что следы, похожие на обнаруженные мною на месте убийства Водолазова и на току колхоза, оставляют велосипеды, принадлежащие осмотрищику вагонов на железной дороге Медведеву, проживавшему до 4 ноября на хуторе Лобачево, а с 4 ноября жившему на станции Обливская, и его дяде Петру Никитовичу Недомерко.

Недомерко пояснил, что в последних числах октября он дал свой велосипед для пользования своему соседу Николаю Лобачеву, который вернул его лишь 8 ноября.

В доме у Лобачевых и Медведевых мною был произведен тщательный обыск.

При обыске у Лобачева был обнаружен серый пух, пряжа из пуха, две пары пуховых перчаток и моток черных ниток.

Мать Лобачева, которой я предъявил найденные на месте убийства Водолазова мужские серые пуховые перчатки, думая, что они мною найдены при обыске в доме, опознала их как принадлежащие ее сыну Николаю Лобачеву. В качестве опознавательных признаков она привела штопку перчаток, произведенную ею черной ниткой из того самого мотка, который был обнаружен при обыске. Это я оформил протоколом опознания.

Однако опознание перчаток меня не удовлетворило, и я считал необходимым подкрепить его экспертизой.

Исследовав предъявленные им пух, пряжу, три пары пуховых перчаток и моток черных ниток, эксперты дали заключение о том, что эти три пары перчаток связаны из одной пряжи и одним человеком, а штопка одной пары перчаток сделана нитками из предъявленного мотка черных ниток.

Колхозник Фильцов, работающий ночным сторожем тока, сообщил, что в ночь под 1 ноября со стороны скирды, находящейся восточнее тока, он слышал выстрелы, но кто стрелял и причину стрельбы он не выяснял.

Я решил установить, не было ли в ту ночь поблизости тока кого-либо, кто также слышал выстрелы. Оказалось, что колхозник Стариков недалеко от тока в ту ночь сторожил лошадей колхоза. Проезжая верхом на лошади, он заметил двух человек, которых в темноте не смог узнать. Эти люди пробирались в сторону тока.

Стариков решил за ними проследить. Он слез с лошади и, спрятавшись под скирдой соломы, вскоре увидел, что два человека, возвращаясь с тока, несли два мешка, повидимому, с зерном. Эти люди двигались прямо на него, и в одном из них Стариков узнал Н. Лобачева.

Стариков крикнул:

— Лобачев, это ты?

В ответ в его сторону последовали три выстрела. Опасаясь мести со стороны Лобачева, Стариков никому не рассказал о случившемся.

Стариков показал мне место, где это происходило. Произведя тщательный осмотр, я обнаружил там стреляную гильзу.

Необходимо было установить, из какого оружия был убит Водолазов. Для этого я пригласил специалистов по оружию, предъявив им пулю, изъятую из тела Водолазова, и все найденные гильзы.

При исследовании оказалось, что пуля претерпела необычную деформацию, и поэтому определить, из какого оружия был произведен выстрел, не удалось. Пришлось прибегнуть к производству следственного эксперимента с участием специалистов-экспертов. Из нескольких pistols различных систем были экспериментально произведены выстрелы в специальный пулеуловитель. Судебно-баллистическая экспертиза на основе исследования гильз установила, что убийцы стреляли патронами ППШ из пистолета системы «Парабеллум».

Допросом ряда лиц я установил, что некий Трифонов, уезжая на учебу в Москву, предлагал Петру Недомерко приобрести у него пистолет системы «Парабеллум». (Материал о Трифонове был выделен в особое производство.)

Получив такие сведения, я произвел обыск в доме у Недомерко и нашел тщательно спрятанный пистолет системы «Парабеллум».

Свидетельскими показаниями было установлено, что в ночь на 7 ноября Николай Лобачев и Иван Медведев дома не были.

На основании собранных улик Лобачев, Медведев и Недомерко были арестованы и под тяжестью добытых доказательств признались в совершенном ими преступлении.

Медведев и Лобачев в последних числах октября договорились между собой совершить хищение зерна с тока колхоза.

Для этой цели они пришли к дяде Медведева — Недомерко, рассказали о своем плане и попросили у него для вооруженного ограбления пистолет и велосипед. Недомерко дал им и то и другое.

В ночь под 1 ноября Медведев и Лобачев похитили два мешка пшеницы, но в момент хищения были замечены Стариковым. Они начали стрелять в его сторону и, опасаясь преследования, спрятали пшеницу в канаве.

В ночь на 7 ноября они решили вывезти похищенную ими пшеницу. Вооружившись, они отправились на место, где была спрятана пшеница. Погрузив один мешок пшеницы на велосипед, Медведев и Лобачев повезли его по направлению к дому, но в этот момент были замечены и опознаны комсомольцем Водолазовым, который пытался их задержать как расхитителей социалистической собственности.

Опасаясь разоблачения, Медведев произвел в Водолазова два выстрела, одним из которых Водолазов был смертельно ранен. Истекая кровью, он сумел доползти до плетня у дома колхозницы Дундуковой, где и умер.

Это преступление было раскрыто в течение двух недель.

РЕПОЗИТОРИЙ

Старший следователь прокуратуры
Харьковской области
Б. П. БОЙКО

ИЗОБЛИЧЕНИЕ ПОДДЕЛЫВАТЕЛЕЙ ДОКУМЕНТОВ

Получив сообщение о том, что вор-рецидивист К. П. Кондратьев, никогда на фронте не бывавший, получает пенсию как инвалид Отечественной войны, я немедленно истребовал из Ленинского райсобеса Харькова его личное дело со всеми документами, на основании которых выплачивалась пенсия.

К сообщению, которое я получил, была приложена справка о болезни, выданная Кондратьеву эвакогоспиталем № 1* 15 марта 1945 г. Обращало внимание, что в копии свидетельства о болезни, выданной эвакогоспиталем № 1 и заверенной Харьковской нотариальной конторой, а также в упомянутой выше справке, выданной тем

* Номера эвакогоспиталей—условные.

же госпиталем, в графе «Название болезни» диагноз был написан неграмотно, без соблюдения принятой медицинской терминологии. В этих документах, написанных в разное время и по разным поводам, встречались одинаковые грамматические ошибки. Это заставило меня насторожиться.

В документах указывалось, что Кондратьев был ранен на фронте Отечественной войны и имеет контузию. Справка эвакогоспиталя № 1 была подписана председателем врачебной комиссии Беловым.

Внимательно осмотрев оба документа, я пришел к заключению, что эти разные документы были напечатаны на одной и той же пишущей машинке. Ввиду этого я направил их для экспертизы в Харьковский институт судебной экспертизы.

Мои подозрения оправдались. Экспертиза подтвердила, что и справка и копия свидетельства о болезни Кондратьева напечатаны на одной и той же пишущей машинке. Печать же эвакогоспиталя № 1 на справке являлась, по заключению экспертизы, поддельной.

Кондратьев был немедленно арестован. На допросе он заявил, что справка эвакогоспиталя № 1 действительно является фиктивной и что купил он ее у неизвестного ему гражданина в городе Львове. В то же время Кондратьев настаивал на подлинности свидетельства о болезни, рассчитывая, что мне не удастся его проверить, поскольку подлинника в моих руках нет, а копия заверена нотариусом.

По поводу своего пребывания в армии и нахождения в госпитале Кондратьев давал самые разноречивые показания. Как было видно из материалов двух архивных уголовных дел, Кондратьев ранее судился за кражи.

Вскоре в ответ на мой запрос справочное бюро раненых и больных сообщило, что Кондратьев вообще не значится на учете, а эвакогоспиталя за номером 1 никогда не существовало.

Одновременно я решил установить, кто изготовил фиктивные документы, которые предъявлял Кондратьев. Было ясно, что этим кто-то занимается в виде промысла.

Трудность решения этой задачи заключалась в том, что документы были сфабрикованы три с половиной года назад.

Для изобличения преступников я организовал проверку всех пенсионных дел, имевшихся в райсобесах Харькова, и хранившихся в райвоенкоматах подлинников свидетельств о болезни. Проводившие эту проверку были мною соответствующим образом проинструктированы.

Проверка пенсионных дел дала положительные результаты. На некоторых документах в пенсионных делах «инвалидов» Орлова, Савченко, Мороза, Ещенко и других была обнаружена знакомая уже мне подпись «Белов», т. е. та самая, которая значилась в фиктивных документах Кондратьева. В этих документах фигурировали номера различных госпиталей. Документы на имя Савченко значились выданными эвакогоспиталем № 3.

Я приступил к самому детальному изучению изъятых пенсионных дел. Прежде всего мне бросилось в глаза, что большинство документов было написано выработанным, аккуратным почерком, присущим чертежникам.

Установив, что Савченко и Ещенко — соседи по квартире, я решил произвести у них обыск, и притом сначала у Савченко, в котором я подозревал одного из основных участников изготовления фиктивных документов.

Подготавливаясь к обыску, я выяснил, что Савченко нигде не работал, а разъезжал по городам с целью спекуляции. Мне удалось узнать, что Савченко находится в близких отношениях с некоей Цыганко, работавшей в чертежном бюро управления Южной дороги. Это обстоятельство, в сочетании с установленным мною фактом, что многие документы написаны «чертежным» почерком, свидетельствовало о правильности предпринятых мною действий.

Ещенко, как выяснилось, выбыл из Харькова. Обыском же, произведенным у Савченко на квартире, мне удалось обнаружить явно фиктивные документы, в том числе копию свидетельства о болезни на его имя, заверенную нотариальной конторой (подлинник был еще ранее изъят мною из райвоенкомата), а также образцы почерка Цыганко — почерка, сходного с тем, которым были написаны многие уже имевшиеся у меня документы.

Из справки, изъятной при обыске, было видно, что Савченко содержался под стражей в тюрьме города Ивано-во. Вместе с тем у преступника имелся документ о том, что в этот же период времени он находился на лечении в эвакогоспитале № 2.

На допросах Цыганко и Савченко подтвердили, что действительно изготовляли фиктивные документы для Орлова, Кондратьева, Мороза и других. Так, «инвалид» Мороз приобрел у Савченко за 500 рублей фиктивное свидетельство о болезни, которое использовал для незаконного получения пенсии.

Савченко и Цыганко показали также, что штампы и печати на фиктивных документах ставил их соучастник по кличке «Володька», фамилию и адрес которого они не знают. В отношении Ещенко Цыганко показала, что он выехал в Донбасс, но куда именно она не знает.

Запросив адресные столы городов Донбасса, я установил местопребывание Ещенко. Он был арестован и этапирован в Харьков.

Графическая экспертиза дала заключение о том, что текст изъятых из пенсионных дел и из райвоенкоматов документов и подписи на них выполнены Цыганко, а штампы и печати подделаны и изготовлены при помощи клише.

В период производства мною следствия по настоящему делу, органами милиции Орлов был арестован за совершение грабежей, и у него на квартире был произведен обыск. Узнав об этом, я решил произвести в квартире у Орлова повторный обыск, в результате которого обнаружил в задних стенках картин, висевших на стене, чистые бланки с печатями воинских частей. На допросах Орлов признал, что фиктивные документы и бланки с печатями изготовил ему «Володька», фамилия которого Исаенко.

При разработке материалов в отношении «инвалида» Гайсенюк, мне удалось установить, что он был осужден в сентябре 1947 года в городе Осипенко. Я истребовал приговор суда, из которого явствовало, что Гайсенюк совместно с Исаенко занимался спекуляцией. Они также незаконно хранили оружие. Кроме того, Исаенко изготовлял фиктивные документы. В приговоре значилось, что у Исаенко при обыске было обнаружено большое количество изготовленных им штампов и печатей. Они оказались тождественными со штампами и печатями в пенсионных делах Орлова, Кондратьева и других.

Следствием было установлено, что соучастницей преступлений Исаенко являлась его жена О. Г. Исаенко. В частности, она через свою знакомую приобрела для

мужа два бланка с подлинными печатями и штампами Харьковской окружной базы механизации. О. Г. Исаенко заполнила эти бланки, указав место работы и заработка Орлова и своего мужа Исаенко, что дало им возможность получить пенсии из расчета заработка, указанного в этих подложных документах.

Таким образом, источник изготовления фиктивных документов был установлен. Тем не менее, Савченко, заготовивший документы об инвалидности и для себя, продолжал настаивать на том, что он находился на излечении в эвакогоспитале № 3 и что документы от имени этого госпиталя в его пенсионном деле являются подлинными. Я установил, что эвакогоспиталь № 3 действительно дислоцировался в Харьковской области и был расформирован в сентябре 1945 года. Между тем Савченко утверждал, что он находился в этом госпитале на излечении в декабре 1946 года и хорошо запомнил начальника этого госпиталя. Тогда я нашел бывшего начальника этого госпиталя—врача т. Каракаш, подпись которого также была на документах, и допросил его. Он категорически заявил, что подпись на документах подделана и Савченко он никогда не знал.

Чтобы окончательно изобличить преступника, я решил предъявить ему врача для опознания. Пригласив к себе в кабинет Каракаша и еще трех человек, я в их присутствии произвел допрос Савченко, который продолжал, как и на предыдущих допросах, уверять меня, что хорошо знает бывшего начальника госпиталя. Совершенно неожиданно для него я предложил ему присмотреться к сидящим в кабинете мужчинам и сказать, нет ли среди них Каракаша.

Савченко понял, что он окончательно изобличен.

После этого я подверг Савченко, Мороза, Орлова, Кондратьева и других «инвалидов» медицинской экспертизе. Все они оказались трудоспособными. Суд приговорил всех преступников, привлеченных по этому делу, к строгому наказанию.

*Младший научный сотрудник
Всесоюзного научно-исследовательского
института криминалистики
Прокуратуры СССР
младший советник юстиции
Г. И. КОЧАРОВ*

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ОБЪЕКТИВНЫМИ ДАННЫМИ

Из Министерства государственного контроля СССР в прокуратуру города Москвы, где я работал старшим следователем, поступил сигнал о злоупотреблениях, допущенных во Львове сотрудниками одного из министерств—Гринько и Трохимчуком, командированными туда для закупки мебели. По сообщению Министерства госконтроля оба они, произведя закупку мебели, отчитались счетами городской мастерской связи и строительно-монтажного управления Министерства целлюлозной и бумажной промышленности. По наведенным же справкам городская мастерская связи была ликвидирована задолго до поездки Гринько во Львов, а строительно-монтажное управление никакой мебели не продавало.

Этих данных было вполне достаточно для возбуждения уголовного дела.

Вначале я изъяс представленные Гринько с авансовым отчетом счета. Все они были аккуратно напечатаны на машинке и заверены печатями названной мастерской и строительно-монтажного управления. К каждому счету была приложена квитанция к приходному кассовому ордеру, подтверждающая получение по счету наличных денег.

Обысками, проведенными на квартирах Гринько и Трохимчука, никаких доказательств их вины найти не удалось, но у Гринько было описано много ценного имущества, в том числе дорогостоящий сервиз и мебель.

Первым был допрошен Гринько. Он показал, что вся привезенная им мебель куплена во Львове на складе городской мастерской связи. Переговоры о покупке мебели он вел с неким Руденко, от которого и получил два счета от имени городской мастерской связи на 185 000 рублей и один счет от имени строительно-монтажного управления Министерства целлюлозной и бумажной промышленности на сумму 90 000 рублей. Эти деньги (он получил их на руки с открытого ему особого счета в отделении Госбанка) Гринько, по его заявлению, передал двум кассирам, которых к нему в гостиницу привел Руденко. После вручения денег эти кассиры и дали ему квитанции к приходным кассовым ордерам.

Несмотря на сомнительную возможность выдачи складом городской мастерской связи счета, Гринько настаивал на своих показаниях. Не сдался он и после предъявления ему справки о ликвидации городской мастерской связи. Наоборот, он всячески хотел уверить меня в правдивости своих показаний и для убедительности вычертил план, на котором указал место расположения склада, где была приобретена мебель.

Трохимчук дал несколько иные показания, утверждая, что мебель была куплена не только на складе, но и на квартирах ряда граждан. Он подтвердил, что счета Гринько действительно получил у какого-то гражданина.

Используя то обстоятельство, что они не договорились о деталях, я вновь начал допрос Гринько, предъявив ему те части показаний Трохимчука, где он говорил о приобретении мебели у частных лиц. После некоторого запирательства Гринько, попросив у меня бумаги, написал, что прежние его показания ложны, и в действительности мебель куплена у частных лиц. Гринько признал, что счета и приходные ордера подложны и приобретены у жителя Львова Стеклова, которого им представил знакомый Трохимчука; фамилии этого знакомого он не помнит, но ему, Гринько, известно, что тот также приобретал во Львове мебель. Стоимость мебели в счетах, по признанию Гринько, была завышена на 50 000 рублей, из которых 25 000 уплачены Стеклову за подложные счета, а остальные деньги поделены им с Трохимчуком.

Получив эти показания, я вновь приступил к допросу Трохимчука. После того как ему была названа фамилия

Стеклова, Трохимчук прекратил запирательство и дал обширные показания о злоупотреблениях, допущенных им и Гринько во Львове, признавшись при этом, что сумма, затраченная на мебель, была завышена в счетах не на 50 000 рублей, как говорил Гринько, а на 80 с лишним тысяч. Трохимчук показал, что со Стекловым, изготовившим им подложные счета, его познакомил некий Фишелев, с которым он задолго до этого встречался на одном из курортов. Где живет и где работает Фишелев, он, Трохимчук, не знает. Стеклов же является заведующим мастерской по ремонту пишущих машинок, расположенной на улице Жовтнева. Мебель подыскивал им некий Войтехович, проживавший в доме 153 по Задворнянской улице.

Когда я начал доискиваться у Трохимчука, куда же были израсходованы присвоенные деньги, он показал, что около 20 000 рублей Гринько потратил на покупку себе ценного сервиза и мебели, а 25 000 уплатил Стеклову за подложные документы. 20 000 рублей Гринько будто бы передал в виде взятки сотруднику УМВД капитану Дуденко. Остальные деньги они поделили. Трохимчук сообщил приметы купленных Гринько сервиза и мебели, которые полностью совпадали с описанными на квартире Гринько.

В этом показании Трохимчука меня заинтересовал эпизод с передачей взятки. По моему предложению, Трохимчук рассказал о нем более подробно. Согласно его показаниям, Гринько перед выездом из Львова в Москву явился как-то в гостиницу очень взволнованным и сообщил о вызове его в УМВД к капитану Дуденко, который заявил ему, что об их злоупотреблениях все известно, и, если они хотят спокойно уехать в Москву, то должны дать ему 25 000 рублей. Гринько якобы уговорил Дуденко взять не 25 000, а 20 000 рублей, на что тот в конце концов согласился. Трохимчук, по его показаниям, проводил Гринько, взявшего с собой нужную сумму денег, до входа в здание УМВД Львовской области, где с ним расстался. Через некоторое время Гринько, возвратившись в гостиницу, сказал, что деньги он передал и теперь все будет в порядке.

Заклотив Гринько и Трохимчука под стражу, я вылетел во Львов.

Во Львове на улице Жовтнева действительно оказалась мастерская по ремонту пишущих машинок. Убедившись в этом, я попросил одного из работников облпрокуратуры пригласить заведующего этой мастерской в прокуратуру под предлогом ремонта пишущей машинки. Достав сломанную машинку там же, в прокуратуре, я стал ожидать Стеклова.

Через некоторое время в кабинет с набором инструментов явился гражданин, который, отрекомендовавшись механиком Стекловым, осведомился, что ему нужно отремонтировать. Осмотрев машинку, Стеглов заявил, что отремонтировать ее невозможно. По моей просьбе он написал об этом заключение. Почерк, которым было написано это заключение, и почерк на имевшихся у меня квитанциях приходных ордеров имели много общего. Впоследствии это было подтверждено заключением экспертизы.

Придя к этому выводу, я, оставив в стороне вопрос о ремонте машинки, предложил, чтобы он, Стеглов, рассказал мне о своем участии в изготовлении для Гринько и Трохимчука подложных счетов и квитанций. Тут же я обратил внимание Стеклова на сходство почерка в написанном им заключении о невозможности ремонта машинки с почерком, которым были написаны квитанции приходных ордеров. Осмотрев эти документы, Стеглов признал, что сходство почерков действительно большое, но все же почерк на квитанциях не его. Он заявил, что с Гринько и Трохимчуком не знаком, о Фишелеве слышит впервые. На несколько моих контрольных вопросов Стеглов ответил, что бланков счетов у него нет и не было, поскольку мастерская производит ремонт за наличный расчет, что во Львове у него близких нет, а в строительном-монтажном управлении никто из его знакомых не работал.

Поручив охрану Стеклова работникам прокуратуры, я отправился с понятными в мастерскую по ремонту пишущих машин и произвел там обыск и осмотр.

При обыске были обнаружены бланки счетов на русском и украинском языках и бланки приходных ордеров. Эти бланки были такими же, как и те, на которых были изготовлены счета и квитанции приходных ордеров, представленные Гринько в бухгалтерию Министерства: они

были сделаны в одной типографии и по одному заказу № 149/2.

Во время осмотра мастерской, я обратил внимание, что на деревянных ее стенах, обклеенных газетами, имеются различные записи. В числе этих записей была обнаружена одна, особо привлекавшая мое внимание: «Сталино.

Запись, обнаруженная на стене мастерской Стеклова, установившая его связь с Фишелевым

5 линия 65/2 Фишелев Х. Ю.». Эта надпись была мною вырезана со стены — она, на мой взгляд, была убедительным доказательством связи Стеклова с Фишелевым, которую Стеглов так упорно отрицал.

Второй допрос Стеклова дал значительно лучшие результаты. Под давлением предъявленных ему доказательств он признался в совершенных преступлениях.

Стеглов показал, что счета, о которых идет речь, он действительно по договоренности с Гринько и Трохимчуком сфабриковал у себя в мастерской, а печатями городской мастерской связи и строительного-монтажного управления их заверил один его знакомый, изредка посещавший мастерскую, фамилию и адреса которого он не знает.

Стеклов был вынужден признать и свое знакомство с Фишелевым, который с его слов и познакомил с ним Гринько и Трохимчука. Однако Стеклов утверждал, что Фишелеву, хотя и приобретавшему во Львове для какой-то организации различное имущество, он счетов никаких не давал и как Фишелев оформил покупку не знает.

Послав в Сталино отдельное требование и сообщив в нем найденный на стене адрес Фишелева, я просил произвести обыск у Фишелева, установить место его работы и изъять там все счета, которыми он отчитался за подотчетные суммы по приезду из Львова. Затем я разработал детальный план дальнейших следственных действий во Львове.

Согласно этому плану мне нужно было найти Войтеховича, который мог указать адреса продавцов мебели (ни Гринько, ни Трохимчук этих адресов мне не назвали), допросить лиц, продававших мебель, и, наконец, что я считал главным, разыскать соучастника Стеклова в подлогах, которого, как было ясно, Стеклов просто не хочет называть. Следовало также окончательно опорочить первоначальную версию Гринько о приобретении мебели на указанном им складе и расследовать факт передачи взятки.

На Задворянской улице № 153 — этот адрес мне назвал Трохимчук — Войтехович никогда не проживал. Пришлось идти из дома в дом, проверяя домовые книги и одновременно выясняя в домоуправлениях и у жильцов, не проживает ли в доме какой-нибудь маклер. Мне повезло. Уже в доме № 132 мне рассказали, что проживающий здесь Казимир Войтехович Ожга обычно посредничает в сделках купли и продажи, и клиенты называют его просто по отчеству — Войтехович.

Войтехович, который неожиданно очень застыдился своей «профессии», говорил со мною вначале крайне неохотно и все больше о своей отвратительной памяти. После оглашения некоторых сведений о нем, почерпнутых в показаниях Гринько и Трохимчука и бесспорно устанавливающих его знакомство с ними, Ожга разговаривал и вспомнил не только всех клиентов, которых он рекомендовал Гринько и Трохимчуку, но и суммы, выплачивавшиеся за мебель.

Вместе с Ожга я произвел выход в город, и он указал все квартиры, в которых приобреталась мебель.

Допросом некоторых лиц, продававших мебель, которым предварительно предъявлялись для опознания, в числе других, фотографии Гринько и Трохимчука, было установлено, что мебель ими продавалась за суммы значительно меньшие, чем было указано в счетах.

Покончив с этим вопросом, я занялся установлением возможных соучастников Стеклова.

Имея в виду, что печатью и штампом строительномонтажного управления подложный счет мог быть заверен только лицом, имеющим отношение к этой организации, я решил изучить все личные дела ее работников, выяснить, нет ли в их числе проживающих неподалеку от Стеклова или происходящих из одного с ним города — Днепропетровска.

Изучая дела, я нашел двух уроженцев Днепропетровска — Шварца Ефима Григорьевича и Богорада — тоже Ефима Григорьевича. Оба они в строительномонтажном управлении уже не работали.

В личных делах не было ничего, дававшего основание полагать, что или Шварц, или Богорад знакомы со Стекловым: в родстве или свойстве они со Стекловым не были, из Днепропетровска выехали в разное время, ни в каких учреждениях совместно не служили.

Тогда я решил подойти к делу с иной стороны и лично сравнить тексты и подписи в подложных документах с почерками и подписями Шварца и Богорада; я уловил отдаленное сходство между подписями в двух счетах и личной подписью Богорада. Впоследствии этот вывод был закреплен заключением экспертизы.

Каких-либо данных о Богораде получить не удалось. Он выехал из Львова в один из районов области, а его бывшие соседи ничего интересного рассказать не могли.

Через десять дней после ареста Стеклов был допрошен.

Накануне я получил телеграмму, в которой сообщалось, что Фишелев, являвшийся представителем ЦК профсоюза работников угольной промышленности, отчитался в затраченных суммах счетами городской мастерской связи и учебно-производственного комбината общества глухонемых.

Не вызвало сомнения, что происхождение счетов городской мастерской — то же, что и тех, которыми отчитался Гринько.

Задав Стеклову несколько общих вопросов, я сказал:

— А вам, Яков Львович, привет.

Стеклов спросил:

— От кого?

Не спуская с него глаз, я ответил:

— От Ефима Григорьевича.

Стеклов насторожился.

— От какого?

Я знал, кого назвать, но решил выиграть время и, про-
износя раздельно слова, сделал упор на два из них, ска-
зал:

— Избавьте меня, Стеклов, бога ради от необ-
ходимости называть фамилии, которые вам известны не
хуже, чем мне.

Было заметно, что слова «бога ради» произвели долж-
ное впечатление.

— Если вы так хотите узнать, — добавил я, — пожа-
луйста — от Богорада.

Махнув рукой, Стеклов заявил:

— И этого поймали! Ну что ж, раз он такой дурак и
признался, то придется говорить.

Стеклов рассказал, что Богорад, его давний приятель
по Днепропетровску, действительно за вознаграждение
помогал ему в фабрикации подложных документов, ко-
торые заверял печатями стронтельно-монтажного упра-
вления и городской мастерской связи. В двух счетах,
на подписи в которых я обратил внимание, по свидетель-
ству Стеклова, расписался действительно Богорад.

На этом, однако, допрос не кончился. Спрашивая
Стеклова, почему он скрывает от меня свою причаст-
ность к фабрикации счетов Фишелева, я объяснил ему,
что и эти счета уже изъяты и они ничем не отличаются
от тех, которые он изготовил для Гринько и Трохимчука.

Стеклов, поняв, что его преступная связь с Фишелевым
также раскрыта, рассказал, что счета на имевшихся у
него бланках с печатями учебно-производственного ком-
бината общества глухонемых, и счета, заверенные пе-
чатью мастерской связи, он сфабриковал вместе с Богора-
дом, который печать впоследствии уничтожил.

Вскоре в Ширецком районе Львовской области мною
был арестован и Богорад.

The photograph shows a document with several tables and text. The tables are arranged in a grid-like structure. The text is in Russian and appears to be a report or a list of items. The document is titled 'РАЙОН' (District) and 'РАЙОН' (District) in large letters. The tables contain various data points, including names, dates, and numerical values. The text is written in a clear, legible font. The document is placed on a light-colored surface, and the photograph is taken from a slightly elevated angle.

Вещественные доказательства по делу Гринько и др. Слева — один из подложных
счетов, представленных Гринько в суде — один из подложных счетов, представ-
ленных Фишелеву, справа — бланк счета, обнаруженный при обыске в мастерской
Стеклова. Все счета опечатаны в типографии Госгеолиздата

Затем для подтверждения подложности счетов от имени комбината, представленных Фишелевым в ЦК профсоюза, я произвел осмотр документов и запротоколировал, что этот комбинат для ЦК профсоюза работников угольной промышленности никакой мебели или иного имущества не продавал.

Далее мне требовалось проверить показания Трохимчука о том, что Гринько была передана взятка сотруднику Львовского УМВД капитану Дуденко. Между прочим, Стеклов в своих показаниях говорил, что Гринько ему рассказывал перед отъездом из Львова, что они поздержались, так как вынуждены были дать взятку.

Проверить этот факт оказалось очень просто. Никакой Дуденко во Львовском УМВД никогда не работал, а осмотром пропусков, выданных на вход в здание УМВД, в период, когда Гринько находился во Львове, было установлено, что Гринько в помещение Управления не приходил и пропуска на его имя никто не заказывал. Стало ясно, что Гринько попросту обманул своего соучастника. Проведя последнее во Львове следственное действие — выход на место по плану, нарисованному Гринько, я установил, что там находится не названный им склад, а один из львовских ресторанов.

В Москве меня ожидал сюрприз. Гринько отказался от своего признания и начал вновь утверждать, что денег он не присваивал и т. п.

Вслед за Гринько я допросил Трохимчука. Он вел себя очень странно, показания давал неохотно. Между прочим, когда я ему сказал, что во Львове я установил стоимость купленной ими мебели, он заметил:

«Странно, Гринько мне писал не то».

Я тут же начал выяснять, что именно писал Гринько, как, когда и каким способом передал ему написанное. Трохимчук стал что-то бессвязно говорить и уверять меня, что я его не так понял. Тогда, вызвав дежурного, я в его присутствии предложил Трохимчуку выдать мне письмо Гринько. Поняв, что обыск неминуем, Трохимчук вытащил хитро спрятанную в подкладке пиджака записку и передал ее мне.

Вот текст этой записки:

«Вл. Игн. нам необходимо наладить переписку, я в Н-ской камере. Кроме того необходимо при всех усло-

виях: 1. Отказаться от 20 тысяч, которые мы разделили. 2. На все полученные деньги закупили мебель. (это они проверить не смогут, т. к. не знают адресов). 3. Счета нам дала организация, за что уплачено 10%».

Далее в записке Трохимчук инструктировался о способах переписки.

Написание этой записки, служившей еще одним серьезным доказательством вины его и Трохимчука, Гринько отрицал, но его авторство было доказано категорическим заключением графической экспертизы.

Последним мною был арестован Фишелев. Он признался в преступной связи со Стекловым и в представлении в ЦК профсоюза подложных счетов. Все эти счета к моменту моего возвращения в Москву уже поступили из Сталино. Их оказалось на сумму около 400 000 рублей. Все бланки имели такие же реквизиты, как бланки счетов и квитанций, на которых были исполнены документы для Гринько и Трохимчука, и как обнаруженные при обыске в мастерской у Стеклова. В числе их были и бланки, выпущенные типолитографией Госгеолиздата по заказу № 149/2.

Фишелев, как было установлено, также зависил на несколько десятков тысяч рублей фактическую стоимость приобретенного им имущества и обратил эти деньги в свою пользу, уплатив Стеклову за изготовление подложных документов.

У Фишелева при обыске в Сталино было обнаружено и описано большое количество ценных вещей.

В завершение следствия мною была организована графическая экспертиза, которая, исследовав в общей сложности 20 документов, установила, что тексты в рукописных документах и подписи в документах, напечатанных на машинке, исполнены Стекловым и Богорадом.

Ущерб, причиненный преступниками государству, был полностью возмещен наложением ареста на большое количество ценных вещей, обнаруженных при обысках у Гринько, Стеклова и Фишелева.

Приговором суда все обвиняемые были осуждены к заслуженному ими наказанию.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
П. И. Тарасов-Родионов. Овладеть научно-техническими приемами расследования	3
Л. О. Беляк. След резиновой подошвы	13
П. И. Медведев. Хищения в Аркадакском райсобесе	19
Р. А. Эрлих. Раскрытие убийства по следам зубов	25
Д. М. Иванющенко. Неопровержимые улики дал обыск	33
И. С. Иовенко. Уличающие рисунки из альбома	44
В. А. Горин. Следы велосипеда помогли раскрыть преступление	58
Б. П. Бойко. Изобличение поддельвателей документов	64
Г. И. Кочаров. Закрепление признания объективными данными	69

Редактор *С. Л. Либерман*

Техн. редактор *А. Н. Макарова*

Подписано к набору 17/III-50 г.

Подписано к печати 3/V-50 г.

Бумага 84x108¹/₃₂—1,25 бумажных листов.

Печатных листов 4,1. Уч.-изд. л. 3,85.

В печ. л. 34 400 зн. А01300. Тираж 8000

Бесплатно.

17-я тип. Главполиграфиздата.

Ул. 25 Октября, 5. Зак. 365.